

18+

ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ

ШТУРМ БЕЗДНЫ

МОРЕ

Цикл
ОХОТНИК

Дмитрий Янковский

Штурм бездны: Море.
Цикл «Охотник»

«Издательские решения»

Янковский Д.

Штурм бездны: Море. Цикл «Охотник» / Д. Янковский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554585-5

Жуткие биотехнологические монстры, созданные в качестве оружия последней войны, вышли из-под контроля, захватили моря и прибрежные зоны, оттеснив человечество в глубь материков. В этом жестоком мире, где люди утратили место у вершины пищевой пирамиды, на одном из затерянных в море клочков суши, вынуждена выживать группа подростков. Чтобы добыть еду, им приходится самим сражаться с многотонными разумными тварями, имея на руках лишь старое оружие довоенного производства.

ISBN 978-5-00-554585-5

© Янковский Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «ОСТРОВ ЗАТЕРЯННЫХ ДУШ»	6
Глава 2. «СТАРИК И МОРЕ»	17
Глава 3. «ИСХОД»	32
Глава 4. «СЕРАЯ РАСЧЕСКА»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Штурм бездны: Море Цикл «Охотник»

Дмитрий Янковский

© Дмитрий Янковский, 2021

ISBN 978-5-0055-4585-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «ОСТРОВ ЗАТЕРЯННЫХ ДУШ»

Сквозь листву акаций пробивалось солнце, делая склон холма похожим на пятнистую шкуру. Идеальные условия, чтобы спрятаться от человека, но такая игра света и тени не могла обмануть тварей. Они почти не руководствовались зрением, больше полагаясь на чутье. К тому же, за пределами тени, жара стояла градусов под сорок, река могла обмелеть, или совсем пересохнуть, что сделало бы местность еще более опасной. Поэтому без разведки спускаться в низину смерти подобно. Я подал знак Ксюше, чтобы остановилась, а сам залег в тени за кустом шиповника, положив рядом увесистое ракетное ружье. Ксюша прикрывала меня сзади из дальнобойной винтовки, нас разделяла дистанция метров сорок, но я знал, что разглядеть Ксюшу не смогу, ведь она так умела прятаться, что позавидуешь.

Для начала я принялся. Первыми ощущались запахи, характерные для места и времени: тонкий, с металлическим призвуком, запах ружейного масла, запах брезентового ремня, запах прошлогодней опавшей листвы. Это все помехи, которые следовало отфильтровать. И только затем мозг начал интерпретировать полезную информацию, взвешивая на обонятельных рецепторах повисшие в воздухе молекулы. От реки пахло тиной, значит, русло не пересохло совсем, как бывало, но насколько оно полноводно, с моей позиции было не понять. Берег впереди густо зарос плакучими ивами, их кроны заслоняли обзор, поэтому даже в бинокль невозможно было определить, сколько воды сегодня протекает по руслу. Кроме тины, ветер приносил запах соли и йода – море начиналось примерно в километре от нас к западу.

Я поднял руку и показал Ксюше жестаи языка охотников:

«Займи мою позицию. Ружье оставляю, пойду налегке».

Ксюша не очень умело крикнула сойкой, что на нашем тактическом языке означало «информация принята, исполняю». Я хмыкнул и, освободившись от ружейного ремня, пополз в сторону реки.

Земля была густо усыпана прошлогодней листвой, поэтому ползти было легко, локти проваливались в мягкое. Через каждые пять метров я останавливался, прислушивался и принимался. Оглянувшись, я все же увидел Ксюшу, она заняла мою позицию, одной рукой вскинула к плечу оставленное мной ракетное ружье, а другой прижала к глазам бинокль, чтобы лучше видеть мои жесты, если что. Как ребенок, право. Впрочем, она была младше меня, и ей лишь недавно исполнилось шестнадцать. Имела право на ребячество в разумных пределах.

Принюхавшись в очередной раз, я напрягся. К запаху тины, исходящему от реки, прибавились новые нотки. Вроде бы и похожие, но все же отличающиеся. Это был запах земноводной твари, я бы его ни с каким другим не спутал. Точнее, так пахла не сама тварь, а воздух, выходящий через ее дыхальца, которые открываются, когда жабры окончательно высыхают. Значит, чудище выбралось из моря около часа назад, с учетом жары.

Я поднял руку и показал условный жест, сложив пальцы «крабом». Он означал, что я учую тварь, которую мы привыкли называть панцирным патрульником.

После этого от меня уже не зависело ничего. Оружия у меня никакого не осталось, кроме старого зазубренного водолазного ножа. Впрочем, если бы даже я не оставил ракетное ружье Ксюше, от него все равно не было бы никакого проку на короткой дистанции. Ракета, это совсем не то, что винтовочная пуля. Так шархнет, что самому мало не покажется.

Поэтому против панцирных патрульников хорошо работала тактика, когда один остается без оружия, налегке, другой прикрывает метров с пятидесяти, чтобы иметь достаточно широкий угол обстрела. И когда патрульник бросится на безоружного, надо драпать изо всех сил, стараясь разорвать дистанцию. А стрелок, который с ружьем, стреляет, когда патрульник отстанет. Эти твари быстро бегать не могли, но обладали удивительной выносливостью, легко

загоняли человека в одиночку, когда тот выбивался из сил. Но если людей двое, один бежит, другой стреляет, тогда шансы есть.

Я бегал лучше Ксюши. У нее уже выросла заметная женская грудь, приводившая меня порой в смущение, да и бедра стали пошире. И хотя Ксюша всячески храбрилась, я видел, что новые пропорции снижают резвость ее движений. Переход во взрослый возраст, и все такое. Зато стреляла она, как бог, хладнокровно, выверено, словно замораживая присущий ей темперамент, оставляя снаружи только скорость реакции и точность движений. Когда она оставалась у меня за спиной с ракетным ружьем или с дальнобойной винтовкой, я чувствовал себя намного увереннее, чем если бы сам взял оружие.

Я задумался. Когда патрульник за тобой гонится, это намного лучше, чем когда он сидит в засаде. Стоит к нему приблизиться, он выплюнет четыре длинных липких щупальца, оплетет тебя ими, и пиши пропало. Тогда уже и ракетное ружье не поможет. Поэтому тварь надо было как-то выманить, а лучше всего она реагирует на звук. Я поискал взглядом упавшую толстую ветку, чтобы можно было бросить ее в сторону реки, но ничего подходящего не обнаружил.

Подняв руку, я показал пальцем направление, в котором, на мой взгляд, притаился патрульник, а жестом обозначил предполагаемую дистанцию до него.

«Пусти ракету, пусть вылезет», – отдал я команду на языке охотников.

Ксюшу не надо было упрашивать, когда речь заходила о стрельбе. Я переполз за ствол ближайшей акации, на всякий случай, а она прицелилась между ивами, и выжала спуск. Ухнул стартовый заряд, выплевывая ракету из ствола, затем резко пшикнул включившийся маршевый двигатель, и ракета, рассекая воздух стабилизаторной турбинкой, с воем устремилась к цели. Над землей за один миг прорисовалась ровная, без баллистического изгиба, дымная трасса, и тут же от реки шарахнуло взрывом. Над кронами ив поднялся темно-серый грибовидный клуб дыма, а через секунду сквозь листву посыпались комья речных водорослей и обломки веток. Под конец сверху опустилась освежающая водяная пыль, и между стволами акаций засияла четвертинка радуги.

После такого патрульник обязан был выскочить из ивняка, и завертеться, щелкая панцирными конечностями, в попытке оценить обстановку. Тут-то Ксюша бы его и накрыла второй ракетой. Но ничего подобного не произошло. Я глянул на Ксюшу и развел руками. Она в ответ пожала плечами.

«Продуктивный диалог», – с иронией подумал я.

Впрочем, у происходящего могло быть три объяснения. Первое – я ошибся, меня подвело обоняние, и никакой патрульник у реки не прятался. Второе – я наоборот слишком точно определил направление и дистанцию, из-за чего Ксюша угодила точно в тварь, и прикончила ее. И третье – патрульник опытный, хорошо чувствует людей, и в его биотехнологическом мозгу запустилась особая программа, запрещающая ему сумбурные действия, заставлявшая затаиться и ждать добычу. Третье было бы самое неприятное, но и против такого нами была выработана особая тактика.

Ксюша меня отлично видела, поэтому, не предупреждая ее, я пополз вдоль русла вниз по реке. Идея была простой – если патрульник за мной бросится, он проявит себя, и Ксюша укосорезит его ракетой. А если останется в засаде, я спущусь к реке в другом месте, ниже, и оттуда смогу увидеть тварь.

Биотехи не выносили пресной воды, поэтому патрульник не мог укрыться в реке. Жабры у них намного сложнее, чем у рыб, и тоньше мембраны, как нам рассказывал Дохтер, чтобы эффективнее снабжать огромные туши кислородом. Но из-за этого в пресной воде, имеющей меньшую плотность, жабры начинали кровоточить, и это убило бы любого биотеха. Поэтому ни один из них в пресную воду никогда не полезет, этому препятствовала программа, зашитая в геном на заводе. В общем, я был уверен, что смогу разглядеть укrywшуюся в засаде тварь.

Пробравшись между ивами, я соскользнул по влажному крутому берегу, и оказался у самой воды. Не смотря на жару, уровень реки оказался высоким, а это означало несколько сытых дней для нас с Ксюшей и для других ребят в поселке. Если, конечно, разберемся с патрульником.

Но стоило мне бросить взгляд на восток, я понял, что опасности нет. Захотелось крикнуть Ксюше, чтобы расслабилась, но ближе к морю могли шастать другие твари, так что нельзя было поддаваться эмоциям, пусть и положительным. Как бы там ни было, патрульник издох, валялся на берегу с развороченным панцирем и раскинутыми в стороны крабьими лапами. Единственной ракетой, фактически наугад, Ксюша его достала. Не чудо ли? Но я это, понятное дело, списал не на чудо, а на свои способности корректировщика. Ведь именно я указал верное направление и дистанцию. Но и Ксюша, конечно, редкий везунчик.

Вскарабкавшись по мокрому береговому склону, я выбрался из ивняка, и помахал Ксюше, мол, все нормально, двигай сюда. Она же, в ответ, показала рожками два пальца, давая мне понять, что по тактическому регламенту она должна находиться от меня не менее, чем в двадцати метрах. Я показал ей рожу и высунул язык. Все же девчонки часто бывают куда большими занудами, чем пацаны, и более склонны выполнять правила. Хотя, наверное, с точки зрения природы, оно оправдано. Пришлось жестом показать ей, что у нее мое ружье. Тут она уже сдалась, не оставляя же меня без оружия. Только рукой безнадежно махнула.

Я подполз к ней, и устроился на боку.

– Патрульнику капец, – сообщил я, не скрывая гордости. – Учись указывать цели.

– Ага. – Ксюша фыркнула. – Я его видела, когда стреляла.

– Что? – Я не сумел скрыть досаду.

– Что слышал. Панцирь блеснул на солнце.

– Тьфу на тебя.

– Да ладно. – Ксюша примирительно потрепала меня по взъерошенным волосам. – Даже если бы я его не увидела, все равно бы попала. С дистанцией ты ошибся метров на пять, а вот направление указал точно.

У нее самой волосы выглядели шикарно, они были короткими, выше плеч, переливчатого каштанового тона. Наверное, во всем поселке она одна могла похвастаться опрятной прической. После того, как мы лишились всех взрослых, кроме Дохтера, стричь нас стало некому. А из Дохтера парикмахер, как из селетки гарпун. В результате мы с мальчишками стригли друг друга, или вообще сами себе обрезали волосы перед зеркалом, без особых затей. Девчонки дружно взяли за моду отращивать длинные косы, и только Ксюша, продолжая стричься по-мальчишески, сумела сохранить ту нотку изысканности, из-за которой при ее появлении у всех пацанов начинали ярче блестеть глаза. И я не был исключением. Исключением я был в другом. В том, что Ксюша последний год водилась из всех мальчишек только со мной, а других все чаще называла малышкой или вообще дураками, в зависимости от ситуации. И хотя она по характеру была не то что бы грубоватой, но жесткой местами, со мной она была много мягче, чем с другими. Намного мягче.

Мне это льстило, конечно. Я понимал, что когда подрастем немного, чтобы Дохтер нам страшилками баки не забивал, именно я с наибольшей вероятностью буду выбран Ксюшей в качестве пары. А от одной мысли об этом у меня ладони потели от предвкушения. Хотя, конечно, за время, которое нас отделяло от этого будущего, я еще сто раз мог накосячить. Но я старался об этом не думать, потому что когда очень хочется пасть в цель, и все на тебя при этом глазеют, наверняка промахнешься. Лучше не думать, а делать. А там поглядим.

– Как там река? – спросила Ксюша.

– В лучшем виде, – ответил я. – Полнехонька. Можно двигать к морю. При таком притоке пресной воды в бухту, торпеды туда не сунутся.

– Можно, но осторожно, – хмуро уточнила Ксюша. – Земноводные могут шастать у берега.

Тут она была права. Земноводным было без разницы, опреснена акватория бухты, или нет. Пресной воды они боялись не меньше, чем торпеды и мины, но им не было необходимости в нее соваться. Они выбирались из моря там, где оно еще сохраняло безопасную для них соленость, и по берегу, ножками, топали в зону патрулирования. На такой жаре они без воды могли часа по три обходиться, так что надо было все время оставаться начеку.

– Жрать охота, – признался я.

– Мне тоже. Есть сушеная ставридка. С того раза.

– Нет. Давай уже доберемся до места, там свежей наловим.

Ксюша сглотнула слюну, и кивнула.

Ползти дальше смысла не было, да и тактическую дистанцию соблюдать – тоже. Лес все больше редел, хорошо просматривался, и в случае чего, можно было бы заранее разглядеть рыскающую вдоль побережья тварь. А тогда уже разбежаться, и занять огневые позиции.

Тактические правила, конечно, нарушать нельзя, у моря всякое может случиться, и надо было бы все же разойтись на положенные двадцать метров, но до чего же приятно было вот так, брести с Ксюшей по лесу, и смотреть на ее ладное тело, затянутое в пятнистый маскировочный комбинезон. На таком открытом пространстве опасность могли представлять только грибы и капканы, да и то, если ворон считать, а не внимательно глядеть под ноги. Это лишь кабинетные программисты, создававшие геном биотехов, считали, что если гриб, к примеру, зароется поглубже в листву, то его не заметишь. Ага, конечно. Когда гриб выкапывает ямку, чтобы укорениться, он неизбежно из-под слоя земли вынет несколько мокрых листьев. И даже если они успеют высохнуть, все равно останутся пятнами на ровном нетронutom слое.

– Стоп! – приказал я, заметив пару таких темных клякс на листве впереди.

Ксюша замерла, хоть картину с нее пиши.

– Гриб, – пояснил я. – На десять щелчков правее сухого тополя.

– Вижу, – шепнула Ксюша. – Обойдем, или прикончим?

– Когда мы с тобой тварей обходили?

Она довольно улыбнулась, и первой попятилась назад. Гриб, конечно, никаким грибом не был на самом деле, просто мы их так называли за встроенный инстинкт, заставлявший их закапываться в грунт и ожидать жертву. На самом деле, это было небольшое существо, похожее на осьминога, способное, выбравшись из воды, проползать довольно большие расстояния. Значительные популяции этих тварей когда-то создали в прибрежной зоне обширные минные поля, по словам Дохтера, и многие люди тогда погибли, пока не научились замечать места залегания биотехов. В теле каждого, как и у большинства тварей, находилась полость с жиром, куда, при необходимости, впрыскивалась азотная кислота из специальных желез, и ферменты, для стабилизации реакции. Реакция приводила к синтезу нитрожира, мощной взрывчатки, сравнимой по фугасному действию с нитроглицерином. Пять килограммов такой смеси – не шутка, плюс к тому готовые осколочные элементы, в виде толстых хитиновых пластин. Осколки представляли большую опасность, так что надо было отойти подальше, иначе Дохтеру придется в очередной раз запускать операционного робота и доставать из наших тел куски раздробленного хитина. Вот только отходить надо было не назад, как решила Ксюша, а в сторону, чтобы не удаляться от моря. Я ей показал новое направление, она кивнула.

Через пару минут на пути обнаружился скальный выход, за которым можно было укрыться от осколков.

– Хорошая позиция, – оценил я. – И дальше отходить не надо.

Мы укрылись за похожим на пирамиду камнем, Ксюша сняла с плеча винтовку.

– Может лучше из ружья шарахнуть? – спросил я.

– Не спортивно, – пробурчала Ксюша.

– Зато эффектно и эффективно.

– Патронов у нас полсотни, а ракет только десять, – урезонила меня она.

С этим уже не поспоришь.

Достав один из винтовочных патронов, Ксюша покатала его на ладони, проверяя баланс. Не понравилось. Взяла другой, тоже покатала.

– Пойдет, – сообщила она, и открыла затвор винтовки.

Как Ксюша готовится к выстрелу, про это можно кино снимать, а потом показывать каждую неделю, и никому не надоест. Сначала она мягко дослала патрон пальцем в патронник, и лишь потом аккуратно закрыла затвор. Так она берегла боеприпас даже от незначительных повреждений при входе в ствол. Затем легла на спину, секунд двадцать смотрела на зеленые кроны акаций, давая глазам отдохнуть, и дышала, насыщая кровь кислородом. Мне всегда казалось, что сам я бы попал в такую, довольно простую цель, как гриб, и без всех этих тонкостей, но Ксюше, похоже, сама подготовка к точному выстрелу доставляла не малое удовольствие.

Я тем временем достал из ранца лазерный дальномер, и замерил дистанцию.

– Двести пятьдесят пять, – сообщил я.

Дальномер имел пятиметровую градацию шкалы, и им при всем желании невозможно было измерить дистанцию с точностью до метра. Ксюша, не отрывая взгляда от листьев над головой, потянулась к прицелу, и повернула барабан корректировки по вертикали на несколько щелчков. Затем она ненадолго прикрыла веки, заставляя зрачки расшириться, чтобы увеличить количество света, падающего на сетчатку. Комбинезон обтягивал ее фигуру, не скрывая, а скорее подчеркивая детали. Пользуясь тем, что она не видит меня, я не удержался и бросил взгляд на ее бедра. Сердце забилося чаще, и я отвел взгляд.

Ксюша подняла веки, перевернулась на живот, взяла винтовку, и приняла положение для стрельбы с колена, уперев цевье в камень. Полгода назад, как раз при взрыве гриба, ее простенькая оптика вышла из строя, теперь приходилось пользоваться обычным открытым прицелом, но она и с ним показывала чудеса. Она вдохнула полной грудью, вжала приклад в плечо, выдохнула наполовину, замерла, и потянула спуск. Ее движения при этом больше напоминали движению точного механизма, чем живого человека.

Мощно шелкнул винтовочный выстрел, раскатившись по лесу. Пуля до цели на такой дистанции летит четверть секунды, я успел прильнуть к камню, когда впереди ярко полыхнуло мощным взрывом. Мы с Ксюшей вжались в землю, и тут до нас докатилась ударная волна с грохотом взрыва вдогонку. Но высовываться было рано, осколки летят медленнее, чем звук, и нужно было дождаться, когда они с воем промчатся мимо нас.

И тут, прямо на моих глазах, Ксюша исчезла. Но я знал, что никакой мистики в этом нет. Просто панцирный патрульник с такой скоростью подтягивает к себе жертву, что человеческий глаз не всегда успевает это движение отследить. Видимо тот, которого мы подстрелили, был в лесу не один, и его собрат подкрался к нам сзади, пока Ксюша целилась, а я глядел на ее девичьи прелести, вместо того, чтобы, согласно тактическим правилам, озираться вокруг.

В общем, в случившемся я был виноват. И я чуть было не вскочил на ноги, чтобы кинуться на тварь с водолазным ножом. Хорошо, что не успел. Осколки плотного хитина, разогнанные взрывом гриба, с воем и жужжанием разорвали воздух над головой и вокруг меня. Пока хитин покоится в полости гриба, там мокро, поэтому за осколками оставались отчетливые паровые следы. Пять таких полос угодили в морду патрульника раньше, чем он успел раскрыть створчатую пасть. Один, видать, попал в нервный центр под панцирем, потому что тварь тут же отпрянула назад, села на рачью задницу, подогнула лапы и испустила дух.

– Якорь тебе в зад! – выругалась Ксюша, опутанная еще дергающимися щупальцами патрульника. – Какого дьявола ты по сторонам не смотришь?

Правду мне говорить не хотелось, я лишь опустил глаза.

– И долго я так буду лежать? – поинтересовалась Ксюша.

Я, наконец, чуть пришел в себя, бросился к ней, и перерезал щупальца.

– Вот он мне спину дернул, аж позвонки разошлись... – пожаловалась Ксюша. – Резкая тварь. Помоги подняться.

У меня похолодела спина. У патрульника достаточно силы и скорости, чтобы рывком сломать позвоночник и взрослому человеку.

– Ногами пошевели, – произнес я, чувствуя, как сел голос.

– Вот дурак! – Ксюша пошевелила ступнями.

Я наклонился к ней, она обняла меня за шею, и я помог ей встать.

– Поясница будет болеть, – пожаловалась она.

Ее винтовка отлетела довольно далеко в сторону, но ломаться в ней уже было нечему, к тому же лиственный покров как ковер, способен и не такой удар погасить.

– Извини, – произнес я.

– Да ладно. – Ксюша отмахнулась. – Опять на грудь пялился, когда я глаза закрыла?

– Нет... – честно ответил я.

– А куда?

Я снова опустил взгляд.

– Трудно с вами, пацанами, – вздохнула она. – Но и без вас тоже не очень. Скучно. А так веселья, хоть отбавляй.

Я ощутил, как наливаются жаром кончики моих ушей и щеки.

– Ты вообще в курсе, что я уже выбрала? – спросила Ксюша, повернувшись ко мне спиной.

Жар на моей коже сменился ледяным холодом. Я понял, о чем речь, но заподозрил, что она назовет другое имя. Не мое.

– В курсе? – с нажимом переспросила она.

– Нет, – выдавил я из себя.

– Ну, тогда я ставлю тебя в известность, – не оборачиваясь, продолжила она. – Во избежание подобных, и других последствий, чтобы ты успокоился, и не пялился на меня в неподходящее время, я тебе официально сообщаю, что я в тебя влюблена, и выбрала тебя в качестве пары. И через несколько лет я стану твоей женой, мы с тобой будем спать в одной постели, и делать все, что на тот момент разрешит Дохтер.

У меня в горле застрял ком такого размера, что не получалось сглотнуть.

– В общем, подожди немного, не торопи события, – добавила она, закидывая винтовку на плечо.

Но позвонки ей похоже, действительно дернуло не слабо, она скривилась, и опустила винтовку прикладом на землю.

– Я виноват, мне нести, – твердо заявил я, усиленно отгоняя в воображении роящиеся эротические фантазии.

– Не имею возражений. – Она оставила в руке винтовку, а на меня нагрозила рюкзак поверх моего ранца. – И если в бухте спокойно, будешь еще, в наказание, мне массаж спины делать.

«Ага, в наказание...», – Мне пришлось представить вкус кислючей незрелой ежевики, чтобы губы невольно не растянулись в улыбку.

Мы двинулись вниз по склону, уже не нарушая правил. Ксюша впереди, я сзади. Есть хотелось сильно, нодохлый патрульник, оставшийся позади, не вызывал аппетита не смотря на схожесть с крабом. Никто из нас никогда не ел мясо биотехов, и не собирался этого делать. И дело не в каких-то табу, и не в отравленном мясе. Просто все знали, что для повышения сообразительности тварей, при их создании, использовались гены человека, в числе прочих.

Лес становился все реже, но на открытых участках, куда солнечный свет попадал беспрепятственно, разрастался густой и колючий подлесок, состоящий местами из христового тернов-

ника, а местами из ежевики. Некоторые ягоды уже созрели и почернели, другие оставались красными. Мы с Ксюшей не удержались, устроили привал, и принялись собирать урожай, стараясь не пораниться о длинные колючие ветви. Не смотря на голод, я почти не ел, все собирал для Ксюши. После пары жменей сладких ягод она перестала дуться, и на ее лицо вернулась привычная улыбка.

– Сам поешь, – рассмеялась она. – Извинения приняты.

– Мне оно не поможет, – признался я. – Что есть, что нету. Мне бы рыбки свеженькой.

Мы двинулись дальше. Ксюша расходилась после рывка, уже не морщилась, и винтовку закинула на плечо. А у меня от ежевики ладони стали фиолетовые, как у Дохтера, после того, как он пытался сделать чернила для ведения дневника поселения.

За кустами христовой колючки открылось море. Ну, не само по себе, а длинная узкая бухта, уходящая строго на запад. Оба ее берега были холмистыми и извилистыми, и на этих холмах виднелись развалины древнего города. В небо, подобно гнилым зубам, торчали бетонные каркасы многоэтажных домов, обломки заводских труб, а некоторые дома даже не плохо сохранились. Те, что были подальше от моря.

Примерно в двух километрах от нас к западу, из воды торчали стальные мачты и надстройки затопленных кораблей. Собственно, они и обозначали, хотя и очень приблизительно, границу безопасной зоны. Их потопили биотехи, но другие корабли, находившиеся совсем близко к нам, по-прежнему стояли у причалов. Некоторые накренились от воды, попавшей в трюмы, но большинство стояло ровно, хотя на бортах и виднелись пятна ржавчины вдоль ватерлинии.

Такая странная сохранность кораблей объяснялась очень просто. В бухту впадала река, и опресняла всю акваторию восточнее затопленных кораблей. Биотехи не могли зайти дальше. Ну, если река полноводная, то не могли. А когда пересыхала, то заходили, но уцелевшие корабли не топили, потому что не чуяли внутри людей. Какой смысл подрываться попусту?

А вот в затопленных, кораблях, люди когда-то были. Мы иногда находили после шторма на берегу человеческие черепа. Впрочем, трагедия с неудавшейся крымской эвакуацией произошла очень давно, задолго до моего рождения, и даже до рождения Дохтера. И задолго до нашего появления в этих местах. А потом стало еще хуже, поскольку биотехи перестали различать своих и чужих, а начали топить все суда, где чуяли людей. Без разбору. Видать, где-то кто-то ошибся, разрабатывая искусственные мозги.

Очень скоро в моря и океаны стало не выйти. Да и на побережье людям грозила опасность. Они надолго отпрянули от соленой воды, боясь к ней приблизиться. А Крым вообще опустел, и превратился из полуострова в остров, когда уровень суше чуть опустился. Тут до любого, фактически, населенного пункта, донные платформы могли добывать ракетами. Многие жители погибли в разгаре войны, при попытке эвакуации, а когда международный конфликт затух, как огонек без воздуха, остатки населения отсюда вывезли по воздуху, гравилетами и баллистиками.

А потом всего один человек взялся все изменить. Андрей Вершинский. Он первым создал подводный корабль-батиплан, и начал бить на нем биотехов страшным боем. Не он их боялся, они его. Затем он нашел уцелевшие военные корабли, вроде тех, что тут стоят, и пошел в наступление. Он целый торговый караван провел через океан от Суматры до Индии. Вот шороху понаделал! В него сразу из Метрополии начали инвестировать капиталы, и дело пошло.

Так, собственно, и появились первые отряды охотников. Сделали несколько учебок, и начали готовить людей для уничтожения биотехов. Охотникам даже разрешили получать данные с уцелевших спутников, построили заводы по производству вооружений и техники. Начался самый настоящий штурм бездны с целью вернуть человечеству океан.

Мало кто из мальчишек не мечтал стать охотником. Но у нас, в закрытом море, которое почему-то называлось Черным, шансов на это не было. Охотники не заявлялись сюда, у них

полно было работы в других местах. Черное море отгородили автоматическими батареями, не давая биотехам из него выбраться, а людей на побережье почти не осталось, так что и защищать было некого. Вообще-то людей вокруг Черного моря не осталось вовсе, а мы тут оказались настолько случайно, что случайнее некуда. Никто и не знал, что мы тут, а сообщить никак не получилось бы. Да даже если бы про нас кто узнал, все равно на остров в Черном море никто бы соваться не стал ради сотни выживших после крушения баллистического лайнера.

С тех пор мы тут так и жили. Образовали нечто вроде колонии. Пока были взрослые, они делали вылазки в город, приносили оттуда оружие, боеприпасы, пригоняли технику. Поселок построили вдали от моря, куда земноводные не добирались. Зверья вокруг было много, можно было охотиться. Ну и ягоды, грибы, рыба в реке.

А потом взрослых не стало. Очень быстро. Все вымерли за две недели. Все, кроме Дохтера. Никто толком не знал, что случилось, но Дохтер предполагал, что дело в каком-то вирусе или бактерии, то ли передающемся половым путем, то ли как-то активизирующемся от секса. В общем, кто этим занимался, все умерли. А у Дохтера женщины не было, он выжил. Ну и дети выжили по той же причине. То есть, мы.

Без взрослых стало трудно. Дохтер строго запретил выбираться в город, кишаший земноводными. К тому же, именно там, в городе, кто-то из взрослых первым подхватил заразу, и принес ее в поселок. Боеприпасы стали дефицитом, их можно было расходовать только в бою, никак не для охоты. Наступили голодные времена. Рыба в реке иногда была, иногда уходила выше по течению. Звери быстро научились осторожности, и не всегда попадались в силки.

Зато в бухте рыба водилась всегда. И если река хорошенько наполнялась, появлялась возможность безопасно рыбачить. Рыба была хорошей едой, и ее было много.

К морю ходили только самые старшие. Мы с Ксюшей, и еще шестеро.

Так странно исполнились наши детские мечты. Мечтали стать охотниками, бороться с биотехами, вот, боремся. Не так, как хотелось нам в Метрополии, но все же.

Иногда мы мечтали угнать один из кораблей, выйти в море, и добраться до Босфора, где живут другие люди. Я не исключение. Все мечтали начать там новую жизнь, поступить в учебку охотников. Но потом мы выросли, и понимали, что ничего такого не выйдет. С кораблем нам не справиться, с вооружением тоже. Да и если бы был среди нас настоящий капитан, из взрослых, из бухты не выйти, так как она полностью перекрыта затопленными кораблями. Их нужно либо взрывать, либо пилить плазменными резаками. На это у нас не было ни ресурсов, ни умений. Все что мы знали, черпалось из рассказов взрослых, из книг и фильмов, сохранившихся в базе баллистика.

А стоит выйти в открытое море, все окружающие торпеды и мины тут же возьмут корабль в оборот.

Хотя, последний аргумент мы всерьез не принимали. Все знали, что много десятилетий назад, когда ни меня, ни Ксюши, ни даже Дохтера еще и на свете не было, даже когда сам Вершинский был еще нашего возраста, ему с родителями удалось спастись от катастрофы на острове именно морским путем. Тогда мало кто выжил, но мы были бы готовы рискнуть. Любой из нас, и все вместе.

Тут у нас не было перспектив. Повзрослеем, постареем, умрем, ничего, после себя не оставив. Вряд ли, после произошедшего со взрослыми, кто-то из нас решился бы на полноценный секс ради зачатия новых детей. А Дохтер, по достижении соответствующего возраста, обещал нам рассказать об альтернативных способах удовлетворения основных инстинктов. Будто мы сами об этом не знали. С одной стороны смешно, с другой грустно.

Наконец, мы с Ксюшей вышли на берег моря. В бухте было спокойно, река разбавляла соленую воду пресной настолько, что за преграду из затопленных кораблей твари сунуться не могли, а потому ближайшая акватория, не смотря на ругающий вид открытой воды, опасности не представляла.

Ксюша скинула ранец, и достала из него рыболовную сеть, а я свинтил боковые держатели, продел их в металлические проушины на краях сетки, и мы получили отличный бредень.

Не раздеваясь, Ксюша первой залезла в мутную от речного ила прибрежную воду. Я предпочел бы увидеть ее без комбинезона, но не было смысла его снимать, ведь так он и выстирается, заодно, и высохнет потом прямо на теле. В такую жару это истинное удовольствие.

Ветра не было, воду в бухте покрывала лишь едва заметная рябь. Мы двинулись с Ксюшей вдоль берега, держась за концы сети, и вдруг меня кто-то крепко ухватил за ногу. Первой мыслью было, что это донный капкан, и я изо всех сил выкрикнул Ксюше:

– Беги!

Обычно капкану нужно секунд пять на анализ ситуации, понять, что попало. И когда поймет, он взорвется, и тогда не только меня разнесет в клочья, но и Ксюшу покалечит подводной ударной волной, если ноги в воде останутся.

Ксюша, умница, мешкать не стала, бросила сеть, и рванула к берегу, подняв тучи брызг. Но в следующий миг я понял, что схватил меня не капкан. Во-первых, у капкана двусторонний хитиновый захват очень твердый и цепкий, тогда как через ткань комбинезона я ощущал на лодыжке скорее плоть, чем хитин. Во-вторых, то, что меня держало, было скользким. Настолько, что у меня появилась идея вырваться.

Я коротко присел, и, хотя вода доходила почти до шеи, рванулся в сторону берега, сразу ощутив, что нечто, державшее меня, соскочило с ткани комбинезона, даже не повредив ее.

– Вырвался! – крикнул я Ксюше.

Она не обернулась, выскочила на берег, и вскинула к плечу ракетное ружье, готовая в любой миг прижать спусковую пластину. Ствол был направлен на меня, но обижаться тут было не на что. Ксюша права, ведь в такой ситуации что угодно могло выскочить из-за моей спины.

Но через пару секунд мне пришла первая здравая мысль.

– В реке полно пресной воды! – озвучил я ее. – В бухте не может быть биотехов!

Ксюша ружье не опустила. Умница.

– Но что-то там есть? – спросила она, не сводя с меня взгляда через окошко прицельной планки.

– Что-то мягкое и слабое, – ответил я. – Может, занесло биотеха в пресную воду, и он подыхает?

– Выбирайся, давай! – посоветовала Ксюша. – Если он подыхает, может и рвануть.

Мысль была дельной, но не успел я сделать и шага, как из воды позади меня что-то вздыбилось. Я заметил само движение лишь периферийным зрением, но силуэт предмета мне показался поразительно знакомым, и не смотря на желание дать деру, я обернулся.

Из воды торчал заряженный гарпунный карабин. Таким оружием были вооружены лишь охотники, другим оно было без надобности. Сверкающий наконечник крупнокалиберного активно-реактивного гарпуна вздымался из воды, а ниже была видна часть ствола и магазинный короб. Через секунду оружие начало снова погружаться, но я уже не стал мешкать, схватил карабин за обрезиненное цевье и потянул на себя. Карабин не поддался, кто-то его держал под водой, за рукоять. Тогда я нырнул, и нащупал в мутной воде человеческое тело в облегающем гидрокombинезоне.

– Тут охотник! – высунувшись из воды, выкрикнул я. – Живой!

Ксюше не надо было это объяснять и доказывать, наконечник гарпуна она тоже прекрасно видела. Через полминуты мы уже обвязали невидимое под водой тело веревкой. И, поднатужившись, общими усилиями вытащили его на берег.

Это определенно был взрослый мужчина, одетый в ладный гидрокостюм из толстого губчатого материала, со шлемом на голове. Видимо ощутив, что теряет силы, он накиннул лямку ремня гарпунного карабина себе на запястье, чтобы не лишиться оружия. В сознании был муж-

чина или нет, понять было сложно, да и сложно было определить, жив ли он до сих пор. Дело в том, что когда охотники ныряют, они делают себе инъекцию особой грибковой культуры, которая, потребляя сахар, выделяет кислород прямо в кровь чтобы заменяя дыхание. При этом дыхательный рефлекс отрубает начисто, обычным путем не поймешь, жив человек или нет.

Я подумал, что надо послушать сердце, но Ксюша меня опередила, опустилась на колени, и прильнула ухом к груди охотника.

– Жив, – через несколько секунд заявила она. – Надо шлем снять, а то когда действие грибка кончится, охотник не сможет дышать.

Как снимать шлем, никто из нас не имел ни малейшего представления, мы знали об охотниках лишь из книг и фильмов. Ни я, ни Ксюша живьем их не видели никогда. Пришлось повозиться, но пока мы были этим заняты, мужчина начал подавать признаки жизни, сначала стянул перчатку с руки, потом открыл защелку шлема освободившимися пальцами. Дальше мы ему помогли, и стянули шлем.

Перед нами был глубокий старик. Ему уже наверняка стукнуло больше семидесяти, точнее трудно было сказать, так как никого старше этого возраста мы не видели, и его лицо почти полностью скрывала маска подшлемника. Но все равно были видны морщины, и пряди седых волос, а веки были дряблыми. Сделав несколько глубоких вдохов через клапан подшлемника, он повалился на бок, и принялся отстегивать тяжелый гарпунный карабин от запястья.

Честно говоря, если перед нами из воздуха материализовалась фея с крылышками, или Баба-Яга пролетела в ступе, мы бы удивились ничуть не больше, чем при виде живого охотника. Откуда ему тут взяться? В закрытом море, на забытом всеми острове...

– Взрослые далеко? – хрипло спросил он, не без труда восстановив дыхание.

Мы с Ксюшей переглянулись.

– Взрослых тут нет, – ответила она.

– Я вижу, что нет. Спрашиваю, далеко они?

– Не ближе, чем в Турции, – хмуро ответил я. – Вы знаете, где находитесь?

– Крым, Севастопольская бухта. Так?

– Да, – мы с Ксюшей дружно кивнули.

– Примерно десять лет назад тут произошла катастрофа баллистического лайнера, – не без труда начал объяснять старик. – Недавний орбитальный мониторинг показал в устье реки наличие поселения. Вы об этом что-то знаете?

– Конечно. Мы с этого лайнера и из этого поселения, – ответил я.

– Далеко до него? Я представления не имею, в какой части бухты нахожусь.

– В самой восточной. Тут река впадает в море.

– Устье реки Черной, – пробормотал старик. – Значит, до поселения километров пять. Так?

– Примерно, если в обход.

– Мне в моем состоянии не добраться, – заявил старик. – Нужны взрослые. Позовите их, я тут подожду.

– Взрослых тут нет. Все умерли, – выпалила Ксюша. – Никого не осталось.

Лицо старика приняло озадаченное выражение, но он не стал переспрашивать, мол, уверены мы в том, что говорим, или нет. По нам, наверное, все было видно.

– Все погибли, – повторил я на всякий случай. – Точнее умерли. От болезни. Но мы вам поможем добраться до поселения.

– Если нет взрослых в этом нет смысла, – с грустью произнес старик.

– Вы охотник? – осторожно спросила Ксюша, садясь на песок.

Вопрос был глупый. Никто, кроме охотников, не имел доступа к данным орбитального мониторинга, и она прекрасно это знала. Никто, кроме охотников, не пользуется дыхательным

грибком. И никто, кроме охотников, не вооружен бесполезными на суше тяжелыми гарпунными карабинами, предназначенными лишь для уничтожения биотехов на глубине.

– Да, я охотник, – ответил старик, и снял с головы подшлемник.

Мы с Ксюшей ахнули. Мы его узнали. Мы сотню раз видели это лицо на фотографиях в энциклопедии, и в документальных фильмах.

– Меня зовут Андрей Вершинский, – добавил он, поднимаясь на ноги. – Слышали о таком?

Глава 2. «СТАРИК И МОРЕ»

Наверное, если бы в бухту вошел парусник под алыми парусами, с дрессированными мартышками на вантах и с енотом в качестве капитана, мы с Ксюшей меньше бы обалдели. Перед нами стоял сам Вершинский, великий охотник по прозвищу Хай. В общем, мы рты раскрыли, да так и глазели на старика. Ксюша сидела с винтовкой у ног, а я стоял и думал, как себя дальше вести.

– Чего уставились? – пробурчал Вершинский. – Звать-то вас как?

Мы не любили называть друг друга по имени, потому что каждый мальчишка и каждая девчонка в поселке считали себя охотниками. И не без оснований. У каждого из нас на счету было по несколько десятков убитых тварей. Охотники же вместо имен используют прозвища, которые служат им еще и как позывные.

– Меня зовут Долговязым, – собравшись с духом, ответил я. – Это Чайка, она у нас самый меткий стрелок в поселке.

– О, как! – Вершинский улыбнулся, не скрывая иронии. – Охотники, значит? И много тварей набили?

– За сегодня? – спокойно поинтересовалась Ксюша. – Или вообще?

Вершинский осекся. Он хотел отпустить еще одну шуточку, но почему-то не стал. Я подумал, что интуиция у него та еще, раз он не стал развивать эту тему. Но Ксюша не дала ему ограничиться паузой.

– Сегодня только двух. Один гриб, и один панцирный патрульник, – сообщила Ксюша.

– Два патрульника, – поправил я ее, без всякой задней мысли. – Ты же еще у реки одного ракетой накрыла.

– А, ну да. Забыла. Извини.

Я заметил, что Вершинский оказался в той же неловкой позиции, какую минуту назад занимали мы с Ксюшей. Теперь он глазел на нас, отвесив челюсть, а мы улыбались.

– Так не шутят, – произнес он наконец.

– Какие уж шутки. – Ксюша пожала плечами и удобнее устроилась на песке. – Один меня чуть не слопал. Поэтому я его и запомнила. А первого я и не видела, мне Долговязый на него дал наводку.

– Не видела? – возмущенно воскликнул я. – Ты же говорила, что панцирь блеснул!

– Ну, может панцирь, может река. – Ксюша виновато развела руками. – Я не уверена. Да какая разница? Сдохла тварь, можно порадоваться.

– Кого вы называете панцирными патрульниками? – немного придя в себя, уточнил Вершинский.

– Ну таких... – Я пошевелил в воздухе пальцами, показывая, как ползают крабы. – С щупальцами на морде. Здоровенные.

– Разные, – поправила меня Ксюша. – Есть побольше, есть поменьше. Сегодня да, крупенький попался. Второго я не видела, извини.

– СМ-19? – спросил Вершинский.

– Да откуда же нам знать, – удивился я. – У нас же тут нет Каталога.

– И далеко отсюда вы их уничтожили?

Видно было, что Вершинский нам не верит, но чувствует себя неловко. Интуиция ему подсказывала, что обвинять нас во лжи не стоит, а боевой опыт не давал ему возможности поверить в то, что двое подростков могли уконтропупить за одно утро трех тварей.

На самом деле, хотя у нас и не было Каталога Вершинского, но я точно знал, что цифра в каталожном названии биотехов всегда указывает массу заряда из нитрожира для торпед и мин, а для сухопутных полную массу тела. Для мин в тоннах, для торпед в килограммах.

Это означало, что Вершинский был уверен, что панцирный патрульник весит менее двадцати килограммов. Ну, вроде как мелкая тварь. Но это, конечно, было не так. Наши-то весили будь здоров, под тонну.

– Ближайший в десяти минутах ходьбы, – сообщила Ксюша. – И от гриба воронка там же. – Помогите костюм снять, – попросил Вершинский.

Нам было не трудно. Я так и вообще это считал за честь. А вот Вершинскому физические упражнения давались с заметным трудом – он пыхтел, сопел, стягивая непослушную мокрую ткань с тела, и не мог удержаться, стоя на одной ноге. Нам приходилось с двух сторон поддерживать его под руки.

Наконец, совместными усилиями, мы освободили его от тяжелого костюма с притороченным позади боевым каркасом, из которого торчали наконечники гарпунов. Ксюша тактично отвернулась, пока Вершинский, достав одежду из герметичного отсека каркаса, влезал в форменные синие брюки и рубаху охотника. Хотя, наверное, такт тут был ни при чем, просто старческая нагота выглядела не очень-то привлекательно. Наконец, Вершинский оделся, и снова натянул в качестве обуви рубчатые ботинки от гидрокостюма.

Я понял, что Вершинский собирается нас проверить, сходить и посмотреть туши тварей. При таких раскладах Ксюшу следовало оставить на пляже, а самому сопровождать старика. Взвесив все за и против, я подумал, что тут безопаснее, чем возвращаться в лес, где можно нарваться на гриб, на патрульника, или на стайку змеевиков. Но вот как ей об этом сказать?

– Наловишь рыбы, пока мы пройдемся? – как бы между прочим спросил я у Ксюши.

– Ага. Щас, – Ксюша иронично фыркнула. – Шнурки на ботинках выглажу, и сразу же пойду ловить. Решил меня побережь?

– Да ну тебя! – Я понял, что из моей затеи не выйдет ровным счетом ни фиги. – Просто жрать хочется, я думал, время сэкономить.

– Вот и сэкономим. Мы с дедом сходим, а ты пока рыбы наловишь.

Спорить с Ксюшей обычно чуть менее продуктивно, чем пытаться остановить лайнер на баллистической траектории при помощи резинки от трусов, натянутой поперек курса. Лично мне ни разу не удалось в препирательствах с ней настоять на своем.

Когда Вершинский и Ксюша скрылись за кустарником, я закинул бредень и минут за пятнадцать наловил не мало жирной ставридки. Разобрав содержимое ранца, я сложил костерок из топливных брикетов, собрал решетку для жарки, и поставил ее под углом к огню, чтобы до рыбы доходил только жар, а не пламя. Если бы костер был не из брикетов, а из дров, можно было бы дожидаться, когда они выгорят до углей, и на их жару запечь рыбу. Но брикеты углей не оставляли, а возиться со сбором сучьев мне было лень.

Выпотрошив ставридку и натерев ее специями, я закрепил тушки на решетке. Затем чуть разгреб полыхающие брикеты, чтобы сделать жар от огня равномернее, и принялся следить за процессом. В таких условиях упустить момент и спалить рыбу – проще простого. А опозориться перед Вершинским не хотелось.

Я задумался, что может измениться в нашей жизни с его появлением. По всей видимости, изменится все. Вершинский ведь является командиром всех охотников на Земле. А это уже целая армия. Конечно, раз они нас нашли, то теперь тут не бросят. Пригонят гравилеты, отбомбятся, расчистят плацдарм, погрузят нас всех, по очереди, и увезут на большую землю. Там врачи, конечно же, разберутся со странной болезнью, убившей взрослых, и мы сможем жить, как нормальные.

Я не имел ничего против этого. Конечно, на большой земле Ксюша меня точно не бросит, ведь мы с ней вдвоем навсегда останемся частью нашего затерянного мира, о котором мало кто помнит. А нормальная жизнь с Ксюшей это, наверное, и есть счастье. Устроимся работать, как когда-то работали наши родители в Метрополии. Найдем жилье...

Размечтавшись, я чуть не прозевал момент, когда ставридка покрылась румяной пузырьчатой корочкой, и ее надо было перевернуть. Он нее распространялся восхитительный запах, от которого на голодный желудок даже голова немного кружилась.

Вскоре я услышал неумелый крик сойки и усмехнулся. Это Ксюша сигналила, что они на подходе, чтобы я не дергался. Через пару минут они с Вершинским выбрались из леса на пляж. В руке Вершинский держал отломанный хитиновый ус патрульника, а у Ксюши был до предела довольный вид.

– Признаться я удивлен, – произнес Вершинский, усаживаясь на песок рядом с костром. – Я уже говорил это Ксюше.

«Ого, так она уже для него Ксюша», – подумал я с плохо осознаваемой неприязнью.

Раньше она любому бы, кроме меня, в лоб дала, если бы назвал ее по имени, а не по прозвищу. А тут сама раскололась, я ведь ему ее имени не говорил. Хотя, чему удивляться? Вершинский. А ревновать глупо. Ему же в обед будет сто лет. А может и больше.

– У вас и обед готов? – Вершинский потянул носом.

Я чуть не прыснул со смеху, а чтобы это не бросалось в глаза, склонился над костром и убрал в сторону уже готовую ставридку на решетке. От рыбы исходил ароматный пар.

– Ну, вы даете... – Видно было, что Вершинский действительно удивлен. – Пахнет отменно.

– На вкус еще лучше, – заявила Ксюша. – Долговязый у нас один из лучших коков в поселке. Угощайтесь. Нам все равно еще бредень закидывать, на всех ловить.

Она принесла с края леса несколько широких лопушиных листьев, и мы разложили на них ставридку, чтобы остывала быстрее.

Вершинский взял остывающую рыбину, со знанием дела очистил, закинул в рот. Мы с Ксюшей присоединились к пиршеству. Голод начал медленно, но уверенно, отступать.

– Вы нас спасете? – неожиданно для самого себя, спросил я. – Заберете с острова?

Вершинский перестал жевать, глянул на меня затем, не спеша, доел рыбину и вытер губы обрывком листа.

– Хотите на материк? – уточнил он. – Или сразу в охотники, судя по прозвищам?

Я стушевался. Ну, не ожидал я такого лобового захода, насыщенного недоброй иронией, как мне показалось. А потом я попытался взглянуть на себя самого глазами Вершинского, и от этого стало еще хуже. Мы ведь, по сути, малявки. И все эти наши подвиги по уничтожению патрульников, которыми мы с Ксюшей решили без затей прихвастнуть, мало что значили. Перед кем мы решили хвастаться? Перед Вершинским? Да он в нашем возрасте, вел куда более опасную, чем наша, жизнь. Он не только уничтожал биотехов, когда другие к океану подойти боялись, он при этом жил среди бандитов, а не в уютном поселке, участвовал в стрелковых дуэлях за деньги, и делал многое из того, от чего бы я, без преувеличения, замарал бы штаны. Для него это все иначе совсем выглядит чем для нас. Для него это курьез, не более. Детки, убивающие тварей по пути на рыбалку. А наша попытка натянуть на себя героическую шкуру настоящих охотников, по сути, смех на палке. Мы от охотников отличались одним очень важным признаком. Мы убивали тварей только по необходимости, когда они вставали между нами и едой. А охотники убивали тварей по долгу службы, делая это не ради себя, а ради всего человечества.

Я впервые об этом всерьез задумался, впервые со всей очевидностью понял разницу между детской мечтой и реальностью.

– На материк, – выдавил я из себя.

– В охотники нас не возьмут, – спокойно добавила Ксюша. – Мы еще возрастом не вышли.

Все же она редкая умница, тут уж, как ни крути. Я даже заметил что от ее слов сам Вершинский испытал нечто вроде стыда за проявленную иронию. Ксюша, одной простенькой, но предельно честной фразой, снова перевернула ситуацию до полной противоположности.

И теперь Вершинский лишился права на иронию, а мы, наоборот, такое право приобрели. Мы ведь, в отличие от охотников, не имели права выбора, сражаться или нет. Нас сама судьба поставила в условия, когда не сражаться с тварями мы не могли.

Вершинский проглотил все это, несколько секунд переваривал, затянув неловкую паузу, потом выдал:

– Дело не в возрасте, – сообщил он. – Точнее, в вашем возрасте, с шестнадцати, с восемнадцати лет, как раз самое время поступить в учебку охотников. А с вашими навыками... – Вершинский задумчиво повертел в руке обломанный ус патрульника. – Вы там себя нашли бы, при желании. Проблема в другом. Вывезти с острова я вас пока не могу. Я, в общем-то, такой же пленник тут, как и вы.

– В каком смысле? – осторожно спросил я.

– В самом прямом. У вас ведь нет никаких средств дальней связи?

Я покачал головой, заподозрив недоброе.

– Рация лайнера вышла из строя, – сообщила Ксюша. – Взрослые, пока были живы, пробрались в город, там в бывшем штабе флота нашли центр связи, но не смогли запустить энергетическую установку, которая его питала. Затем Виктор Сергеевич с группой добровольцев пробрался на один из военных кораблей. Они считали, что рация корабля может работать в автономном режиме, без запуска основных систем. Покопавшись, они смогли найти аварийный буй, взяли его, запустили. Но к нам никто не прилетел, никто даже не сбросил посылку с баллистической траектории. Больше никто не пытался. Слишком опасно лазить на корабли, а специалистов по радиотехнике и корабельным машинам среди наших взрослых не нашлось. Все решили, что на большой земле, получив сигнал, просто не стали рисковать из-за нас.

– Дело не в этом, – Вершинский покачал головой. – Просто система аварийных буев завязана на спутники. Большинство из них вышли из строя, новых нет, системами аварийного спасения в океане никто не занимается и никто не ведет их мониторинга. Но, в любом случае, я тут один. И при мне тоже нет средств дальней связи.

Мы с Ксюшей принялись закидывать Вершинского вопросами мол, как же такое могло произойти. Оказалось, что сам Вершинский, и другие люди, входившие в руководство отрядом охотников, достаточно давно поняли, что оборонительная стратегия в деле борьбы с биотехами терпит крах. Да, Вершинскому удалось провести караван через Индийский океан, и даже организовать нечто вроде постоянного, хотя и нерегулярного, сообщения между Австралией, Суматрой и материковой Индией. Да, охотникам удалось установить хоть какой-то контроль над миграцией биотехов в Средиземном море, расставив автоматические ракетно-бомбовые батареи в ключевых местах побережья. Да, была разработана достаточно эффективная тактика прикрытия боевых кораблей с воздуха превентивными бомбовыми ударами. Да, при помощи некогда могучей японской корпорации «ХОКУДО», обосновавшейся в Европе, удалось создать роботизированные комплексы по уничтожению ракетных платформ, и даже, в какой-то мере, поставить контролируемые биотехнологии на службу охотников, не только выпуская дыхательный грибок и другую полезную химию в промышленных масштабах, но и начав разработку биотехнологических глубинных скафандров жидкостно-жаберного типа, взяв за основу несовершенные довоенные модели. Но все это носило оборонный, а не наступательный характер. Для перехода в наступление, для настоящего штурма бездны, человечеству в целом и охотникам в частности требовался значимый перевес, некий прорыв, способный дать возможность если не полностью очистить внутренние моря и прибрежные океанические зоны, то, хотя бы, проредить численность биотехов до вменяемой отметки. Они ведь не могли размножаться, их просто слишком уж много наделали перед войной. И если их убивать в достаточных количествах, это могло бы коренным образом переломить ситуацию и вернуть человечеству контроль над морями и океанами.

– Но в какой области искать это преимущество? – глядя на нас, спросил Вершинский. – В свое время я выиграл, завладев эскадрой боевых кораблей, уцелевших на заброшенной островной военной базе. Я решил, что если значительно увеличить численность флота, если модернизировать корабли силами «ХОКУДО», можно будет перейти в наступление.

Честно говоря, мне его рассуждения показались сомнительными. Да, существует, конечно, теория о неизбежном переходе количественных изменений в качественные, но вряд ли это смогло бы сработать в данном случае. Корабли – это все же корабли. Их сколько есть, столько есть. Новые строить долго и дорого, даже если за спиной охотников и стоят готовые к действию заводы и фабрики. А ведь в боях с биотехами потерь точно не избежать. С другой стороны, Вершинский опирался на собственный опыт, которого у меня и на сотую долю процента не было. Возможно, он несколько упростил ход своих размышлений, озвучивая его детям, поэтому в нем появилась некая нелогичность, но я решил, что это не очень важно, так как не мне принимать решения.

– Я был уверен, что условия на острове не уникальны, – продолжил Вершинский. – Там закрытую бухту впадала река, опресняя воду. Из-за этого твари не могли зайти в акваторию, что и позволило кораблям уцелеть. Мне казалось, что таких бухт по миру должно быть не мало. Я засел за изучение сначала географических карт, затем за данные снимков с спутников. К сожалению, все вышло не так, как я ожидал. На всем земном шаре мне удалось найти меньше десятка подобных мест. А изучение найденных документов дало мне информацию о нескольких замаскированных базах военных субмарин, спрятанных в штольнях. Они меня мало интересовали, так как довоенные субмарины были очень уж уязвимы в случае атаки биотехов. Но в этих штольнях могли укрыться от орбитального мониторинга и надводные корабли.

– Одно из таких мест у нас, – произнесла Ксюша. – И корабли тут есть.

– Совершенно верно. Наша главная база расположена в Мраморном море, под прикрытием автоматических береговых батарей. Поэтому мы с командой решили в первую очередь обследовать Севастопольскую бухту, так как до нее от нас, можно сказать, рукой подать, а остальные подобные места только за океаном.

– С командой? – У меня возникло недоброе чувство.

Вершинский сощурился, от чего морщины на его лице заполнились густыми тенями на ярком солнце. Он в полной тишине съел еще пару рыбин, и начал рассказ. Говорил он будто через силу, рубленными сухими фразами. Но даже такой стиль повествования порождал в моем сознании яркие образы, настолько точным был Вершинский в каждом из своих слов.

Оказалось, что они выдвинулись от береговых батарей Стамбула на скоростном ракетном катере, оборудованном подводными крыльями. Кроме того, корабль был оснащен дополнительными активными и пассивными средствами обороны, а так же имел на борту четыре компактных скоростных батиплана на случай необходимости в мобильном конвое. Эти подводные аппараты в качестве силовой установки использовали водородные реактивные двигатели и могли разгоняться в подводном положении до пятидесяти узлов на глубинах до двухсот метров. Этого в Черном море хватало за глаза и за уши, ведь оно хоть и довольно глубокое, но жизнь в нем теплится только на глубинах до ста пятидесяти метров, из-за сероводородного слоя. Твари же в сероводороде жить не могли, их жабрам нужен кислород. А значит, на глубинах свыше двухсот метров охотникам тут ничего грозить не могло.

Именно за счет удивительных качеств этих батипланов, и нескольких более глубоководных, построенных на заводах «ХОКУДО» при помощи Альбиноса, Вершинскому удалось в свое время провести караван судов через Индийский океан. Теперь же задача стояла проще – пересечь Черное море от берега, который когда-то занимала Турция, до юго-западной части Крыма, где глубоко в остров врезалась Севастопольская бухта, опресненная рекой Черной.

Когда они стартовали, береговые батареи провели массированную артиллеристскую подготовку глубинными бомбами. Насколько добивали, настолько и расчистили акваторию на всех

глубинных эшелонах. Ну, а дальше своим ходом. В первую очередь врубили ультразвуковую защиту. Ее излучатели смонтировали прямо на подводных крыльях, чтобы они в любом случае оставались в воде. В результате вокруг корабля, в радиусе с четверть мили, торпеды не могли пользоваться своими ультразвуковыми органами из-за мощных помех. Без них тварям не удалось бы ни ориентироваться в пространстве, ни согласовывать действия внутри атакующей стаи. Этот метод тоже себя хорошо показал.

Там же, в обтекаемом коконе под подводным крылом, был установлен мощный радар, способный заранее засечь торпеды и мины на приличном удалении. В случае, если такое произойдет, предполагалось накрывать стаю на подходе из нескольких дальнобойных ракетно-бомбовых установок.

В общем, Вершинский, как обычно, все хорошо рассчитал. Не смотря на преклонный возраст. Но море, как это часто бывает, внесло свои коррективы.

Заслышав шумы корабля, твари самых разных калибров начали стягиваться к источнику звука. Радар их засек штатно, а когда торпеды вышли на встречный курс и приблизились на пятимильную отметку, по ним шарахнули из ракетно-бомбовых установок. Уже имея опыт морских переходов, Вершинский загрузил столько снарядов, сколько вместились, потому что удары реактивными глубинными бомбами издавна еще в Индийском океане показали свою высокую эффективность против торпедных стай.

Но проблема оказалась не в количестве снарядов, а в ограничениях на предельную плотность огня. Установки не могли палить непрерывно, их надо было перезаряжать. Поначалу этот факт ни у кого не вызывал опасений, так как били на полных пять миль, а это расстояние ни одна торпеда не преодолеет за короткое время, пока осуществляется перезарядка.

Члены экипажа работали, как черти в аду, подтаскивали бомбы, снаряжали кассеты установок. Но вскоре Вершинский понял, что каждая перезарядка, за счет потери времени, укорачивает огневую дистанцию примерно на один кабельтов. После четырех перезарядок расстояние до фронта атакующих торпед уменьшилось на полмили, и Вершинский понял, что если кольцо биотехов будет сжиматься с такой скоростью, то до входа в Севастопольскую бухту твари прорвут оборону и смогут впрямую атаковать несущийся к цели корабль.

Понимая, что дело может кончиться худо, он вышел на связь с береговой базой, и запросил поддержку с воздуха. Идея была рискованной, потому что гравилеты с большой высоты стрелять не могли, а на малой их вполне могла накрыть дремлющая донная ракетная платформа. Но Вершинский был уверен в успехе, так как Черное море имеет важную особенность, удачную для людей, и не очень удачную для тварей. В нем, на глубинах свыше ста метров, никакой жизни нет, потому что в воде растворен не кислород, а сероводород. Это исключало существование ракетных платформ на большей части черноморского дна. Угнеститься они могли только вдоль северного побережья, в районе, где некогда стояла Одесса, и непосредственно у входа в Севастопольскую бухту. Там глубины варьировались от ста пятидесяти до ста метров, и эти воды вполне могли стать пристанищем для донных платформ. Поэтому Вершинский задумал нетривиальный тактический ход – на глубокой воде экономить ракетно-бомбовые боеприпасы, дав волю своему превосходству в воздухе, обстреливая стаи торпед с гравилетов. Более того, часть транспортных гравилетов он задействовал для пополнения уже частично израсходованного боекомплекта артиллеристских установок путем тросовой отгрузки снаряженных кассет прямо на палубу корабля, идущего полным ходом.

Крейсерская скорость гравилетов втрое и даже вчетверо превышала скорость корабля. Они догнали его на четверти задуманного пути, и сразу начали уничтожение торпедных стай с воздуха. Это дало отдых и экипажу, и самим ракетно-бомбовым установкам. Капитан, не снижая скорость, принял на борт груз боеприпасов с двух транспортных гравилетов.

Когда первое звено гравилетов отстрелялось и повернуло в сторону Босфора, расчистив путь, их место заняло второе. Экипаж корабля отдыхал и набирался сил.

Биотехи тоже поменяли тактику. Это были умные твари, и они умели оценивать обстановку. Обычно они перли нахрапом лишь поначалу, но потом, выяснив сильные стороны противника, они отходили на безопасное расстояние, и начинали выискивать прорехи в обороне.

Торпеды поняли, что атаковать корабль, пока он прикрыт с воздуха, будет сложно. Для этого ведь надо сосредоточиться, а по сосредоточенной стае огонь сверху получался наиболее эффективным. Это приводило к бесполезным потерям. И хотя инстинкт самосохранения у биотехов был намного менее развит, в сравнении с естественными видами живых существ, но все же он был зашит в их геном в достаточной степени, чтобы побудить их к повышению эффективности тактики и стратегии.

В результате торпеды прекратили непрерывный напор и рассредоточились, что сделало прикрытие с воздуха бессмысленным. И хотя антигравитационный привод Шерстюка не требовал для работы ни топлива, ни каких-то иных видов энергии, но водород был необходим для питания ходовых турбин, а его запасы на гравилетах не были бесконечными. И чем больше корабль удалялся от береговой базы, тем большие расстояния приходилось преодолевать гравилетчикам, чтобы обозначить в небе свое присутствие, необходимость в котором, по сути, отпала.

Взвесив все факторы, Вершинский принял непростое для себя решение вернуть гравилеты на базу. Все равно ближе к Крыму держать их в воздухе не получится – слишком опасно. Там глубины меньше, и дно уже выше границы сероводородного слоя, а значит, на нем могли расти донные ракетные платформы, способные поражать воздушные цели.

Но когда гравилеты скрылись на горизонте, торпеды не сразу ринулись в атаку. Вершинский надеялся именно на подобное развитие событий, и не ошибся. Зачастую действия торпед было сложно предсказать, иногда невозможно в принципе, но Вершинский к этому привык, и старался, по возможности, отслеживать причины того или иного наблюдаемого поведения биотехов. И это все чаще давало положительный результат, хотя и не все их способности можно было объяснить с привычных научных позиций. Иногда казалось, что их связь с донными платформами лежит в области телепатии, или чего-то подобного. Но в одном Вершинский был уверен точно – читать мысли людей твари не могли. По крайней мере, торпеды и мины. А это означало, что, находясь под водой, они не могли знать, что гравилеты уже улетели. И чтобы не стать жертвами новых ударов с воздуха, им придется выждать какое-то время, а потом, малыми силами, провести разведку. И тут Вершинский надеялся их обмануть. Ведь у торпед нет способа отличить корабельный ракетно-бомбовый удар, от воздушного ракетного удара с гравилетов. И если прицельно ударить по первой же приближающейся стае разведчиков, то это могло вынудить биотехов продолжить использовать тактику выжидания, к которой они перешли из-за обстрелов с воздуха. А это позволит выиграть время, оттянуть массированную атаку, а потом ворваться на корабле в опресненную бухту, куда твари уже не сунутся.

Корабль двигался полным ходом, с шелестом рассекая воду опорами крыльев. Силовая установка у него была еще довоенная, дизельная, а потому в воздухе за кормой оставалась сизая пелена дыма. Ветер крепчал, и это обрадовало Вершинского потому, что он, как никто другой, знал – в шторм биотехи немного теряют чутье. А это хоть крошечное но преимущество.

Вершинский взобрался в ходовую рубку и запросил данные с радаров. Верхний показал, что гравилеты удалились уже более, чем на пятьдесят километров, а подводный радар, что биотехи на расстоянии более чем в пять миль формируют вокруг корабля кольцо, но в атаку не спешат. Вершинского так и подмывало отдать команду на обстрел тварей из бомбовых установок, но он сдержался. Это бы сразу дало торпедам понять, что поддержки с воздуха больше нет. А так можно было тянуть время.

Подводный радар хорошо брал до семи миль, но максимум амплитуды сканирующего сигнала находился в горизонтальной плоскости. Такого типа радары хороши были в Черном море, где биотехи не могли нырять глубоко из-за сероводородного слоя, а потому не были спо-

собны атаковать корабль снизу. В океане же приходилось использовать радары с гораздо меньшей дальностью обнаружения, в районе всего двух миль, зато с полусферическим обзором, позволяющим регистрировать цели, напирающие из глубины под килем. Но тут важна была дальность, поэтому Вершинский оснастил ракетный катер именно таким оборудованием.

Составляя свой знаменитый каталог биотехов, Вершинский фиксировал все факты, какие только можно было заметить. В статью о каждой твари входили не только ее тактико-биологические характеристики, но и повадки, характерные реакции на ту или иную тактику противника, вариации поведения для различных ареалов обитания, спектрограммы голосов, интерпретации подаваемых сигналов, видовые фонетические сигнатуры и многое другое. Но сколько бы усилий ни вкладывалось в создание и дополнение каталога, время от времени биотехи умудрялись выкинуть какой-нибудь новый фокус, которого от них не ожидал никто.

Не было сомнений, что твари пользовались не только алгоритмами, зашитыми в геном на заводе, но и в огромной степени совершенствовали их, изучая людей. Когда это стало ясно, более понятной стала и роль донных ракетных платформ. Эти огромные подводные чудища, прокачивающие через себя тонны воды чтобы питаться планктоном, выполняли не только, и даже не столько ракетно-ударную функцию для поражения воздушных целей и населенных пунктов в глубине материковой зоны, сколько играли информационную роль хранилищ знаний, собранных торпедами и минами. Ведь мелкие твари жили не долго, их задачей было настичь цель и взорваться, тогда как донные платформы до сих пор оставались для человека фактически неуязвимыми. Именно они могли собирать донесения от торпед, хранить их, анализировать их колоссального объема мозгами, а затем транслировать мобильным тварям. Принцип был ясен, не ясным оставался способ коммуникации между торпедами и платформами. Они общались на таких расстояниях, что акустику можно было исключить смело. Разным охотникам в разное время приходили идеи о телепатической связи, но Вершинский не принимал это, не имея четких доказательств. Он больше был склонен придерживаться химической версии, согласно которой общение происходило посредством сложных феромонов, выбрасываемых тварями в воду. Вершинский питал надежду, что если не он, то кто-то после него сумеет разгадать этот молекулярный язык, и использовать его знание против тварей. Но пока до этого было далеко, сама версия еще требовала фактологических подтверждений.

Пока тайный язык биотехов не был понятен людям, биотехи могли многое противопоставить каталогу Вершинского, в том числе и собственный «каталог людей», хранящийся в нейронных тканях донных платформ. Из-за этого, как ни старайся, как ни выискивай неожиданные тактические ходы, рано или поздно все равно столкнешься с сюрпризом.

Но и Вершинский хорошо знал повадки тварей. Чем дальше они двигались вместе с кораблем, не пытаясь приблизиться, тем большее беспокойство вызывала такая, не характерная для них, тактика. Обычно они всегда пробуют оборону на прочность, жертвуя несколькими особями. С их точки зрения это оправдано, так, в конце концов, можно даже узнать, не кончились ли у людей снаряды, запас которых никогда не бывает бесконечным. Тут же они вели себя кардинально иначе. Со стороны кормы их почти не было, а по курсу и с бортов очень много. Весь этот начиненный нитрожиром клин двигался с той же скоростью, что и корабль, при этом ни одна тварь не пыталась к нему приблизиться. Поначалу это казалось закономерным, ведь недавно торпеды, пытавшиеся лечь на атакующий курс, сразу уничтожались гравилетчиками с воздуха. Но время шло, торпеды, судя по тому, что о них знал Вершинский, просто обязаны были начинать пробовать приблизиться. И чем дальше этого не происходило, тем тревожнее становились мысли. Вершинский заподозрил, что одна из донных платформ на северном мелководье уже проанализировала ситуацию и выработала для торпед новую тактику, о которой пока ничего не было известно.

И он был прав. Проанализировав спектральные и амплитудные характеристики активных локационных средств корабля, донная платформа Р-16 определила, что максимум дальности

и разрешающей способности радара находится в горизонтальной плоскости, а сканирование глубин под днищем затруднено, и осуществляется только сонаром, бьющим на сто с лишним метров. В многотонном мозгу платформы хранилась оперативная карта всей акватории Черного моря, данные о которой поставлялись мобильными биотехами, и тварь отлично знала, что погружение любого биотеха на глубину свыше ста пятидесяти метров неизбежно приведет к его гибели. А на меньших глубинах к кораблю снизу не подобраться – засечет сонар.

Разбив собственную мозговую ткань на систему активных биохимических зон, платформа Р-16 организовала из них холотропную нейронную сеть, при помощи которой построила несколько моделей различных тактических ситуаций. Большинство из них, с лежащей в основе тактикой фланговых нападений группами различного размера, было смещено в рейтинг низких приоритетов по эффективности, поскольку корабль обладал значительной огневой мощностью и был прикрыт с воздуха гравилетами. Но платформа понимала, что авиация людей не сможет работать, если войдет в зону поражения ее ракетами. Надо было дожидаться этого момента, а затем начать прошупывать оборону торпедами.

Но попусту терять время платформа не умела. Войдя в боевой режим, она продолжала просчитывать тактические ситуации, двигаясь в математическом выражении перпендикулярно кривой Гаусса, от зоны наивысшей вероятностной эффективности к зонам решений с низкими вероятностями разрешения. В одной из таких низковероятностных зон ракетная платформа Р-16 создала модель, при воплощении которой, в теории, можно было, пожертвовав малым числом торпед и одной мощной миной, поразить корабль, движущийся именно на подводных крыльях. Ни для каких других кораблей такой тактический прием не годился, поэтому его приоритет в расчетах оказался крайне низким. Но все другие ходы в сложившейся ситуации и вовсе не вели к успеху при виртуальном моделировании, и алгоритмы мышления платформы потребовали более детальной проработки единственного теоретически допустимого варианта.

Сложность практического воплощения модели состояла в том, что она требовала тактики «захода из глубины», применимой в условиях океана, годной даже в Средиземном море, но невозможной в условиях Черного моря. Поднырнуть ниже горизонта сканирования торпеды тут не могли. Точнее могли поднырнуть, но не смогли бы выжить при этом. Но обдумывая варианты, платформа Р-16 пришла к выводу, что для претворения плана в жизнь выживание торпед не потребуется, если, кроме них, использовать очень тяжелую мину. Тонн на двадцать.

В памяти платформы хранились постоянно обновляемые сигнатуры всех биотехов доступной акватории, и среди них имелось целых шесть тяжелых мин Б-22. Не тратя времени попусту, платформа отправила сигнал легким скоростным торпедам ГСТ-20, чтобы те произвели транспортировку одной мины на линию курса корабля. И хотя точно невозможно было знать, зачем люди предприняли вылазку в открытое море, но, перебирая возможные варианты, платформа пришла к выводу, что единственной практически целесообразной точкой на карте могла быть для них Севастопольская бухта, в которой можно было спрятаться от биотехов.

Соединив в уме точку предполагаемой цели и точку текущего местоположения корабля, платформа Р-16 пришла к выводу, что корабль, если считать его курс кратчайшим, движется именно туда, а значит, на его пути можно установить мощную мину. С учетом того, что устанавливать ее придется на глубине более двухсот метров, мина должна быть мощной. Но даже громада, начиненная двадцатью тоннами нитрожира, не сможет пробить кораблю днище, если взорвется под ним на глубине в двести метров. Правда в данном случае этого и не требовалось. Корабль двигался на подводных крыльях, сделанных из относительно тонкого металла, и малейшая деформация формы этого профиля будет иметь катастрофические последствия на той скорости, какую развивал корабль.

Сложнее было создать сценарий детонации такой мины. Ведь, погрузившись на глубину больше ста пятидесяти метров, она окажется ниже границы богатых кислородом водных слоев, и очень быстро задохнется. Платформа Р-16 попыталась высчитать точное время погружения,

чтобы мина, еще находясь в сознании, могла бы взорваться точно под кораблем. Но расчеты не дали нужного результата – корабль двигался слишком медленно, и мина в каждой из виртуальных моделей погибала раньше, чем корабль достигал нужной точки.

Пока платформа Р-16 напрягала мозги в поисках решения, корабль продвигался все дальше к намеченной цели. И с каждой милей беспокойство Вершинского нарастало. Он понимал, что если бы у биотехов не было на примете никакого тактического решения, они бы тупо напирала со всех сторон, мирясь с потерями, в надежде, что у людей закончатся боеприпасы. Так они поступали всегда. Отсутствие активных действий со стороны тварей означать могло только одно – решение у них есть, но на подготовку к атаке нужно или время, или провести ее можно лишь в каком-то определенном месте.

И уже минут через десять Вершинский понял, что прав.

– Дистанция до биотехов по правому борту сократилась на три кабельтова! – доложил дежурный на радаре. – На четыре кабельтова! Они пошли в атаку!

– Держать курс! – приказал Вершинский. – Влево не уходить! Они нарочно нас вынуждают к маневру, прут с одной стороны. Огонь по правому флангу!

Вершинский подозревал, что торпеды, напирая лишь с правого борта, пытаются свернуть корабль с курса на мину, или на какую-то неизвестную отмель, где могла находиться донная платформа с боевым охранением. Допускать этого было нельзя.

Взвыли ракетно-бомбовые установки, отправив широким веером десятки глубинных бомб.

– Центральная группа уничтожена! – доложил дежурный на радаре. – Фланговые уцелели обе.

– Огонь по готовности! – приказал Вершинский. – Целеуказание по радару. Курс не менять!

Когда скоростные торпеды СТ-15 доложили о сохранении курса, платформа Р-16 успокоилась. Ее хитрость удалась. Люди подумали, что их попытались вынудить на маневр, тогда как на самом деле платформе было выгодно именно сохранение курса. И теперь люди будут его держать, пребывая в уверенности, что биотехам хотелось бы сдвинуть их с него.

– Они что-то задумали, – сообщил Вершинский капитану корабля. – Нашли способ нас потопить. Но им нужно время, и нужно отвести нас с курса левее. Во времени мы их ограничить не можем, а с курса отклоняться нельзя. Объявите тревогу по кораблю. Экипажу экипироваться на случай подрыва, по полному снаряжению для выживания. Все четыре батиплана изготовить к бою, экипажам занять места.

– Есть! – ответил капитан, и принялся отдавать распоряжения вахте по внутренней связи.

Вершинский покинул мостик, и спустился на вторую палубу к специалистам по снаряжению. Там, свободные от стрельб и вахты уже получали необходимое снаряжение – гидрокостюмы, инъекторы с глюкозой, дыхательным грибок и другой химией, необходимой людям на глубине. Бойцы специально подготовленного отряда стрелков вооружились тяжелыми гарпунными карабинами, чтобы занять места у фальшбортов, на случай необходимости десантирования. Их боевые каркасы за спиной были оснащены мощными химическими двигателями, по устройству похожими на разгонные модули активно-реактивных гарпунов. В случае необходимости охотник с таким каркасом мог развивать скорость, превышающую скорости биотехов, оторваться от них, и прицельно разить из гарпунного карабина. К сожалению, запас хода таких двигателей был невелик, и боевые пловцы, по сути, являлись смертниками. Но они, ценой жизни, много раз спасали корабли, расчищая им путь, и давая уйти из мест концентрации биотехов под прикрытием батипланов.

Не было на свете охотника, который не знал бы Вершинского, но это не отменяло для него протокола получения снаряжения. Он протянул одному из оружейников жетон-заменитель, в обмен на который получил почти такую же, как у боевых пловцов, экипировку и такой же

гарпунный карабин. Разница между его снаряжением и стандартным заключалась лишь в более тщательном подгоне деталей, в их более частой замене, а так же в наличии, кроме маршевых моторов каркаса, еще дополнительных, намного менее мощных, но способных работать гораздо дольше. Необходимость такого дополнения была связана с возрастом Вершинского. Любой охотник, кроме него, мог долго плыть под водой за счет одной лишь собственной физической силы. Но Вершинский был стар, и только его статус не позволял ему быть списанным по возрасту. Но на здоровье он не жаловался, и никто лучше него не смог бы командовать боевыми пловцами.

Конечно, сразу соваться в воду он не собирался. Да и статус ему не позволял этого сделать. Снаряжение было рассчитано на крайний случай. По сути, на случай, когда неизбежность гибели становится очевидной, чтобы принять смерть с гарпунным карабином в руках, а не в качестве легкой цели для тварей. Пока такой момент не наступил, место Вершинского было во флагманском батиплане. Живучесть этого подводного корабля превышала живучесть боевого пловца на порядки, но место в нем могли занять всего четыре члена экипажа, не больше.

Вершинский задумался. Перед ним стоял выбор, поверить своему чутью и спустить батипланы на воду сразу, или понадеяться на лучшее и вернуться в ходовую рубку. Все говорило о том, что доверять надо чутью. Не думая больше, Вершинский облачился в костюм боевого пловца и поспешил в ангар хранения батипланов. Оттуда, через вахтенного, он связался с капитаном, и приказал сыграть полную боевую тревогу, включая спуск батипланов на воду.

Уверившись, что корабль уверенно держит курс и не собирается от него отклоняться, платформа Р-16 подала сигнал транспортируемой мине начать набор глубины. Это произошло в десяти милях по курсу корабля, чтобы люди точно не засекли данный маневр. Торпеды, работавшие своими водометами для придания ей движения, ушли на верхние эшелоны, ближе к поверхности, чтобы, когда корабль приблизится, не мельтешить на радаре. В это же время, по сигналу платформы Р-16 все биотехи, взявшие корабль в клин, бросились в массированную атаку, чтобы сосредоточить огонь ракетно-бомбовых установок у самой поверхности и приковать к нападающим стаям внимание операторов на радаре.

Прорваться торпеды не успевали, артиллерии хватало огня для сдерживания, но при каждой перезарядке твари сокращали дистанцию кабельтов за кабельтовым. Это не беспокоило капитана, ведь на верхнем радаре уже можно было различить мыс Фиолент, за которым открывался вход в Севастопольскую бухту. Капитан знал, что как бы торпеды ни напирали, они не смогут приблизиться к кораблю ближе, чем на два кабельтова, потому что корабль был наглухо прикрыт ультразвуковой защитой. Стоило торпедам войти в зону ее поражения, на их ультразвуковые органы чувств обрушивались помехи такой колоссальной мощности, что твари глухли, слепли, немели, и лишались всякой возможности выполнять боевую задачу. Чаше всего, ошалева от такого удара, они взрывались, вызывая цепи вторичных детонаций у соседей по стае. А с дистанции в два кабельтова ни одна торпеда или мина не могла нанести кораблю критических повреждений. Бояться стоило лишь мощных фугасов под днищем, но капитан был уверен, что снизу людей защищает сероводородный слой.

Мина погружалась все глубже, и когда корабль приблизился на расстояние обнаружения, она скрылась от радара в сероводородном слое. Уже не имея возможности дышать, но следуя тактическому заданию платформы Р-16, она стабилизировала свое положение в глубинном эшелоне, и удерживала его до самого наступления смерти. Когда перестало биться сердце мины, и угасла функция ее мозга, мина уже не могла детонировать по собственной воле. Роль детонатора платформы Р-16 отвела другим тварям.

Когда корабль оказался почти над миной, десяток стремительных торпед СТ-15 ринулись не к кораблю, а вниз. Операторы на радаре хотя и отследили этот маневр, но не придали ему значения, так как, в случае захода под днище, торпеды будут уничтожены боевыми пловцами

из тяжелых карабинов с управляемыми активно-реактивными гарпунами. Вот только атаковать корабль эти торпеды не собирались. Две первых торпеды нырнули в сероводородный слой, и забились в конвульсиях над миной. Две других дождались, когда корабль окажется точно над ними, и подорвались. Вода, уплотненная взрывом до прочности бетона, разлетелась во все стороны ударной волной, настигла умирающие торпеды, и вызвала в них вторичную детонацию. Они тоже рванули, и передали волну мертвой мине. От мощного удара двадцать с лишним тонн нитрожира детонировали, вызвав компрессионный гидравлический удар такой силы, что он со скоростью быстрее скорости звука разлетелся в форме сферы, достиг поверхности моря, и, словно исполинским молотом, ударил корабль по подводным крыльям.

Металл не выдержал нагрузки, крыло изменило профиль на отрицательный, клюнуло вниз, и его тут же выломало из днища набегающим на скорости потоком воды. На полном ходу корабль вонзился форштевнем в водную гладь, а в огромную пробоину потоком хлынула вода, сметая все на своем пути.

Для людей, находившихся внутри корабля, происходящее воспринялось как сокрушительный удар, словно корабль на полном ходу налетел на бетонный пирс. Людей и предметы сорвало с места и швырнуло вперед могучей силой инерции. Тела рвало на части об углы переборок и створки люков, зажимало между кронштейнами, отрывало руки ноги и головы пролетающими мимо предметами. Одна из ракетно-бомбовых установок сорвалась с турели, развернулась, и дала залп из всех направляющих по ходовой рубке, из которой сыпались стекла и летели обезображенные тела людей. Из сорванных с места и лопнувших баков полилось топливо, сразу воспламенившееся от многочисленных искр, фонтаном летящих из электро-распределительных щитов. Пары топлива воспламененные в замкнутом пространстве машинного отделения, перешли из режима горения в режим детонации, разнося металлические переборки, и превращая все, что не было закреплено, в разящие осколки. Палубу ангара для хранения батипланов вздыбило, как земную кору во время извержения вулкана, а из трещин вырвались языки пламени и удушливый смрад.

К счастью, в первый момент Вершинского швырнуло на достаточно гладкую переборку спиной. При этом толстый материал гидрокостюма и боевой каркас в огромной степени смягчили удар. Но когда снизу рвануло топливо, вторичный удар оказался сильнее первого. Палубу вздыбило, батипланы сорвал с мест, и одним из них едва не придавило к переборке Вершинского. Из последних сил, задыхаясь от топливного смрада, он успел увернуться.

В создавшейся ситуации батиплан для него был единственным возможным спасением. Не теряя времени, Вершинский вскарабкался на борт, приложил запястье к кодовому замку, а когда шлюзовой люк открылся, ввалился в него.

К этому времени пылающее топливо добралось до крьюйт-камеры, где хранился огромный запас снарядов для ракетно-бомбовых установок. И хотя снаряды и не стояли на боевом взводе, огонь нагрел детонаторы, и те рванули, инициируя основные заряды. Цепь детонации пронеслась по крьюйт-камере за мельчайшие доли секунды, сконцентрировав в отсеке настолько сокрушительную энергию, что она в буквальном смысле разорвала корабль надвое, извергнув в небо огромное красно-черное грибовидное облако.

Вершинского снова приложило к переборке, на это раз менее удачно, плечом и головой, от чего он на какое-то время потерял сознание. А когда пришел в себя, понял, что не может дышать – вода затопила шлюзовую камеру. Вершинский выхватил из футляра на поясе иньектор, впрыснул себе в запястье сначала порцию глюкозы для питания дыхательного грибка, а затем сам грибок. Вот только грибку требовалось время на то, чтобы поглотить глюкозу и начать выделять в кровь необходимый мозгу и тканям кислород. Поэтому сразу после инъекции ситуация не улучшилась, и Вершинский понимал, что она еще минуты две-три не улучшится, а это означает, что гипоксия точно приведет его к потере сознания примерно через минуту.

Не теряя времени, Вершинский попытался активировать насосы, выкачивающие воду из шлюзового отсека, но те работать отказались наотрез. Внешний люк оставался открытым, за ним чернела полная темнота. Было ясно, что ангар с батипланами затоплен, но до какой степени поврежден сам корабль, Вершинский не представлял. Впрочем, после прогремевших взрывов корабль на плаву остаться не мог, и наличие воды в отсеках являлось вполне закономерным.

Корабль быстро погружался на дно, приближаясь к границе сероводородного слоя. Уровень кислорода в крови Вершинского неуклонно снижался. Легкие рефлекторно пытались сделать вдох, но Вершинский заблокировал клапан подшлемника, чтобы не нахлебаться воды. Его грудь лишь беспомощно билась в спазмах, а сердце то и дело сбивалось с ритма. Где-то полыхнуло светом, и почти сразу по металлическим переборкам шарахнуло ударной волной. Похоже, торпеды, затопив корабль, рыщут в глубине, убивая выживших охотников. В проеме шлюза снова полыхнуло. Полыхнуло далеко, и стало ясно, что батиплан каким-то образом вывалился из ангара и опускается на дно отдельно от корабля. Вокруг была только вода, в которой виднелось множество черных силуэтов легких торпед, предназначенных для борьбы с боевыми пловцами. И силуэты самих пловцов тоже были видны, с кавитационными следами от маршевых двигателей. Вершинский понял, что торпеды не просто добивают пловцов. Нет, идет бой, и он просто обязан принять в нем участие. Для него это был шанс погибнуть в бою, а не умереть на больничной койке, чего он боялся намного больше, чем биотехов.

Но эта мысль пришла слишком поздно, воздуха не хватало, и каждое движение давалось с огромным трудом. Нужно было дожидаться, когда грибок в крови начнет выделять кислород. Уже чувствуя, что теряет сознание, Вершинский услышал как заработал гидравлический привод створки шлюзового люка. По какой-то причине компьютер все же воспринял команду, но с большим опозданием, когда она уже была не нужна. Но подумать об этом Вершинский уже не успел – его сознание погрузилось в крошечную тьму.

Очнулся он от стука собственного сердца. Грибок выделял кислород, и организм, жадно его впитывал. Открыв глаза, Вершинский понял, что лежит на палубе батиплана, возле шлюза. Внешний люк шлюза закрыт, но вода откачана не полностью и заливают палубу. При этом из всей системы освещения горели только аварийные лампы. Это было плохим знаком – батиплан получил значительные повреждения и не смог запустить главную силовую установку. Нужно было добраться до ходовой рубки, чтобы провести диагностику и понять, какие системы еще остались в строю.

Освободившись от тяжелого карабина и боевого каркаса, чтобы не мешали в тесном коридоре маломерного батиплана, Вершинский попробовал протиснуться по узкому коридору в рубку, но это оказалось не так-то просто. Неуправляемый батиплан продолжал погружаться, вращаясь вокруг собственной оси, из-за чего палуба то и дело менялась местами с переборками. Наконец Вершинский все же добрался до кресла и, пристегнувшись ремнем, попытался оживить приборную панель. Это удалось, но во время попытки стабилизации положения подводного корабля в пространстве автомата выдала сигнал о невозможности запустить главную генераторную турбину. Работали только электрические водометы, хода которых надолго не хватит из-за невозможности зарядить аккумуляторы от основной силовой установки. Автопилот с их помощью все же завершил стабилизацию, но это не решало проблемы.

Вершинский ощутил себя совершенно беспомощным. Там, наверху, шел бой, и люди в этом бою были заведомо обречены на поражение и гибель. В его распоряжении был батиплан. И хотя он бы, конечно, не смог бы переломить ход столкновения с биотехами до такой степени, чтобы они проиграли схватку, но все же в сухом остатке был бы совершенно иной расклад. И надо же было такому случиться, что проклятая турбина не пожелала запускаться.

Психанув, Вершинский бросился обратно к шлюзу. Теперь это далось легче, потому что батиплан занял устойчивое положение килем вниз, и продолжал погружение в таком состоя-

нии. Вершинский собрался уже надеть на себя боевой каркас, взять карабин, покинуть бесполезный батиплан, вырваться из шлюза наружу, и вступить в бой с торпедами, но в это момент палубу под ногами тряхнуло. Батиплан достиг дна.

Это означало, что он опустился на глубину порядка трехсот метров, и находится сильно ниже верхней границы сероводородного слоя.

Вершинский замер, глядя на рычаг отпирания шлюза. Перед ним встала сложная этическая дилемма, которую он не мог разрешить нахрапом. С одной стороны он хотел немедленно вступить в бой и погибнуть вместе с товарищами. С другой он понял, что если добраться до безопасной Севастопольской бухты на батиплане, завладеть боевыми кораблями, стоящими в бухте, то можно будет потом нанести биотехам значительно больший урон, чем сейчас, бросившись в последний бой с гарпунным карабином наперевес.

Стоило оно того? По здравому размышлению стоило. Вершинский закрыл глаза и сел на палубу, опершись спиной о переборку. Постыдное решение спасти свою шкуру? В какой-то мере да. Но так могут подумать лишь другие. Сам Вершинский прекрасно понимал, что предпочел бы гибель в бою, а не смерть в постели. Он бы выбрал первое, но человечеству, как виду, нужно было второе. А ведь Вершинский всю эту Большую Охоту на биотехов затеял не ради себя, не ради выставления напоказ собственной доблести. Нет. Он начал Большую Охоту ради того, чтобы вернуть человечеству океан. Никак иначе. Именно океан, и именно всему человечеству.

Он подобрал карабин, каркас, оттащил их в рубку, и закрепил на месте стрелка. Что делать дальше, он знал прекрасно. В первую очередь, погасить весь свет. Выключить все, что можно выключить, даже прожектора. Нужен только компас, ничего больше. Потому что цель лежала на севере. О том, чтобы вести огонь из орудий батиплана, не было и речи. Но биотехи не могут сунуться так глубоко в сероводородный слой. И под его защитой на маневровых моторах можно добраться почти до самой бухты. Почти. А дальше?

– А дальше? – хором спросили мы с Ксюшей.

– Дальше я добрался до границы сероводородных глубин, – ответил Вершинский. – Батиплан мог пройти и дальше, заряда хватало, но без возможности использовать бортовые орудия, я не стал выходить в чистую воду. Твари бы засекли батиплан и уничтожили его вместе со мной. Допускать этого было нельзя, и я рискнул оставить его под прикрытием сероводорода, а сам рвануть на каркасе до берега.

– Очуметь! – не удержался я от восклицания. – По чистой воде, с одним карабином? Вершинский усмехнулся.

– Молодой человек, были времена, когда батипланов у нас вообще не было. Мы с Алексом пару лет обходились без них. Десантировались с гравилета, погружались с грибом в крови, и долбили тварей в два ствола из самодельных гарпунных карабинов. И побеждали. А тут всего-то надо добраться до берега. Не велика задача. Пострелять, конечно, пришлось, но, как видишь даже гарпуны остались. А вот дыхательный грибок меня подвел. У меня-то запаса глюкозы не было. Одна инъекция. Когда уровень глюкозы в крови упал, грибок начал погибать, и дышать мне становилось все труднее. А я и так немного выбился из сил под конец.

– Не мудрено! – Я едва не присвистнул.

– Если бы не вы, я бы, наверное, до берега не дополз, – признался Вершинский. – Я уже не соображал даже, на какой глубине нахожусь. Если бы ты мне на руку не наступил, так бы и отдал концы в этой луже. В двух шагах от цели, что называется. Спасибо.

– И что теперь делать? – осторожно спросила Ксюша.

– Как что? – Лицо Вершинского изобразило искреннее удивление. – Я же рассказал вам свой план. Починить батиплан, завладеть кораблями, и надрать биотехам задницу так, чтобы известить их поганое племя под корень.

Мы с Ксюшей молча переглянулись.

– Сдрейфили? – с усмешкой поинтересовался Вершинский.

– Нет, – ответил я. – Но как мы позовем на помощь охотников?

– Пока никак. – Вершинский развел руками. – Разве что если получится запустить в полноценном режиме радиорубку одного из кораблей. Но это чуть позже. Мне тут надо осмотреться, понять собственные и ваши возможности. Одному мне не справиться, староват я. Но если вы согласитесь... Хотели же вроде в охотники?

У Ксюши от такого предложения глаза заблестели. Я, впрочем, тоже отказываться не собирался. Отвечать Вершинскому было глупо, у нас на лицах все было написано.

– У вас в поселении сахар есть? – спросил он.

– У нас есть даже чистая глюкоза! – выпалил я, понимая, к чему он клонит. – У Дохтера!

Глава 3. «ИСХОД»

Вершинский помог нам наловить рыбы для ребят, затем снарядил свой карабин активным гарпуном, на случай, если столкнемся с тварями на пути в поселок, и мы двинулись обратно. Путь наш лежал на восток, прочь от реки, к двум достаточно высоким холмам, вздымавшимся чуть больше, чем в километре от моря.

Не смотря на тяжелую поклажу из рыбы и заметную хромоту Вершинского на правую ногу, шагали мы достаточно быстро, стараясь поскорее выбраться из опасной зоны, где еще могли рыскать земноводные твари. Впрочем, змеевики могли отползать от воды и на десяток километров, этим, собственно, и объяснялся выбор места для поселка.

После крушения взрослым пришлось принимать решение, как далеко уходить от лайнера, совершившего вынужденную посадку. От него до воды километр. Это слишком близко. А бросать лайнер и уходить в леса, на восток, не очень умно, так как пришлось бы очень много на себе перетаскивать. И все равно бы не удалось перенести в одну ходку, да и в десять не вышло бы. Но, к счастью, при самой первой разведке, взрослые нашли довольно большой карьер, где некогда добывали известняк, скорее всего для строительства. Карьер представлял собой двухсотметровую воронку на вершине холма с отвесными склонами. И хотя отвесным склон был только со стороны реки, с севера упирался в развалины небольшого города, а с востока был окружен лесом, но этого вполне хватало. Змеевики – глупые твари. Они прут всегда по кратчайшему пути от воды до цели, и им, чтобы до нас добраться, в любом случае надо карабкаться вверх по отвесной известковой стене. А сделать этого они не могли – падали и взрывались.

В общем, поселок основали в хорошем месте, прямо на дне карьера. И лайнер рядом, и твари не добираются, и озеро прямо в карьере. Его наполняли дожди и подземный ключ, бивший со дна. В озере можно было купаться и пить из него. Это было очень удобно и экономило массу сил.

Конечно, расслабляться было нельзя, и мы всегда держали часовых со стороны реки на кромке карьера. В любую погоду, особенно в дождь, когда жабры тварей не пересыхали, давая им возможность пробираться на приличные расстояния. Один раз когда ливень шел неделю кряду, пяток патрульников несколько часов пытались штурмовать стену, потом начали искать обходной путь. Мы одного забили, кидая сверху острые глыбы, а потом он рванул и убил другого. Остальных же пришлось отстреливать из ракетных ружей, расходуя драгоценные боеприпасы.

– Поселок там? – спросил Вершинский, когда мы вышли из леса, и на холме стало видно троих часовых с винтовками.

– Ага, – с довольным видом ответил я.

– А забираться как?

– По веревочной лестнице, – ответила Ксюша, и осеклась.

Я тоже чуть сбавил шаг. До нас дошло, что Вершинский не вскарабкается по веревочной лестнице на высоту в сорок метров.

– Или в обход, – сказал я подумав. – Не особо далеко. Крюк километра в три получится, если по старой дороге.

– Лучше в обход, – глуховатым тоном сообщил Вершинский.

Я понял, что ему и карабин-то тащить не просто, не то что по лестницам карабкаться. Но предложить помощь я постеснялся.

Ксюша помахала часовым рукой, а я поглядел в бинокль на их реакцию. Заметили. Хорошо, не придется в воздух палить. А то бывало, что пригреются на солнце. Старшим сегодня был Щеп, он тоже глядел на меня в бинокль.

«Кто с вами?» – спросил он жестами на языке охотников.

«Сам Вершинский», – ответил я.

Щепа показал жест, который означал вопрос: «у тебя достоверная информация?» Но в контексте было понятно, что спрашивал он, шучу я или нет.

«Не шучу», – показал я побуквенными жестами.

Так говорить получалось медленнее, чем жестами-понятиями, но зато разночтений не возникало.

«С Луны свалился?» – Щепа тоже перешел на побуквенные жесты.

«Из моря. Он старый, не поднимется по стене. Пойдем в обход».

«Принял», – ответил Щепа, и послал одного из часовых вниз, в поселок.

Я покосился на Вершинского. Он-то наверняка понимал Язык Охотников, и вряд ли ему понравился набор жестов, выражающий смысл «он старый». А может, ему было без разницы. Я не представлял, что может чувствовать мужчина в его возрасте. Меня бы эпитет «малявка» обидел, хотя, по факту, я как раз малявкой и был.

Мы направились на север, в обход холма. Вскоре из сухой осоки и зарослей чертополоха проявилась старая и сильно растрескавшаяся от времени дорога. За долгие годы стекловое покрытие кристаллизировалось на солнце, и теперь отсвечивало радужными отблесками на склонах. Мы с Ксюшей давно здесь не были, нам проще было подняться по лестнице, а не топтать в обход.

Чем больше мы продвигались на север, тем целее становилась дорога. Трещины виднелись только по краям, а посередине покрытие было ровным и гладким, отливало антрацитовой чернотой и от него, нагретого солнцем поднимались потоки теплого воздуха. Впереди показались первые развалины, пока еще одноэтажных зданий. Судя по компрессионным ангарам, когда-то здесь стояла водородная станция. За развалинами начинались густые заросли миндаля и сирени. По весне зацветали сначала деревья, потом кусты, и тогда мы ломали ветки сирени, чтобы порадовать наших девочек. Это не вредило сирени, от этого она лишь гуще росла.

Вершинский принахался. У меня нюх тоже не последний, но я ничего не чувствовал, кроме запаха пыли, нагретого солнцем стекловых и грибного духа из теней кустарника.

– Что там дальше? – спросил Вершинский.

– Развалины. Город. Дома до четырнадцати этажей.

Вершинский опустил карабин к ноге, достал из герметичной сумки на боевом кармаше карту, и пару минут ее изучал.

– Очень интересно, – произнес он. – Город Инкерман. Тут должны быть штольни. Вы их находили?

– Что? – Я не понял смысл незнакомого слова.

– Штольни, такие подземные тоннели. – пояснил Вершинский. – Очень большие. Там был расположен завод по производству вин.

– Мы тут почти не бывали. – Ксюша пожала плечами. – У моря интереснее, там корабли. Взрослые проводили разведку, но ничего интересного не нашли. Они организовывали экспедиции на юг, в большой город. Оттуда приносили оружие, лекарства...

– Сюда как быстрее добраться? – Вершинский ткнул пальцем в карту.

Я сориентировался и ответил:

– Это наш холм, только северо-западный склон. Это дальше, чем нам сворачивать, если идти в поселок.

– Надо бы посмотреть. Странно, что вы не знаете о штольнях. В них укрываться надежнее и проще, чем на холме.

Честно говоря, меня разобрано любопытство. Я попытался представить большие тоннели в горе, но я понимал, что представляю все равно не то, что есть на самом деле.

– Сходим, – ответила Ксюша, все решив за меня. – Но если бы эти ходы там были, взрослые бы их нашли.

Мы продрались через кусты сирени, но за ними было не лучше. Улицы города между руинами домов тоже изрядно заросли чертополохом, шиповником и христовой колючкой. Особенные хлопоты доставляла христова колючка – если ее шипы впились в одежду, то надо осведждаться осторожно, а то еще больше зацепишься с каждым движением.

От домов, по большей части, остались только бетонные каркасы. Всю кладку, да и вообще все, в чем были щели, развалила и растащила растительность. Сначала в щель набивалась пыль, затем там прорастало семечко, и начинался процесс. Поэтому город больше всего походил на одновременно замершие скелеты великанов. Даже под ярким солнцем среди бела дня это вызывало тягостное чувство. Отчасти и поэтому мы сюда никогда не совались.

Ближе к холму кустарник на улицах сменился деревьями, в основном это была акация, отчасти миндаль, кривоватый, похожий на карликов с поднятыми руками, а так же молодые пирамидальные тополя с серебристой листвой. Двигаться стало легче, и мы прибавили шаг. Наконец мы оказались в тени, которую отбрасывал крутой склон холма. Мне стало совсем не по себе, и я, честно говоря, пожалел, что мы послушали Вершинского, и поперлись сюда, неизвестно зачем.

Я понимал, что крупных тварей тут быть не может, от моря уже далековато, но вот змеевики, наоборот, могли прятаться в тени, чтобы жабры не пересыхали. Я остановился и принялся, силясь уловить характерный запах. Но не его я почуял, а едва уловимый запах падали.

– Что-то не так? – тут же насторожился Вершинский.

– Мертвячиной воняет, – сообщил я. – Может птица издохла, может змеевик не успел вернуться в море.

– Змеевики всегда взрываются, когда умирают, – покачала головой Ксюша.

Я знал это не хуже нее, а сказал лишь затем, чтобы напомнить Вершинскому о биотехах. Впрочем, это было глупостью. Уж кто-кто, а он о биотехах думал, наверное, всегда. Мы свернули на боковую улочку, и вскоре нашли дохлую чайку. Воняло определенно от нее. Но нельзя сказать, что меня это сильно успокоило. Скорее даже наоборот.

Я поднял голову, и посмотрел на листву молодой тополиной поросли, торчащей из окон верхних этажей. Одна сторона листьев у тополей была темной, другая серебристой, и по ним из-за этого легко было определять силу и направление ветра. Направление мне не понравилось. За нашей спиной осталась небольшая площадь, и тут ветер крутило вихрем. Я понимал, что до меня попросту не долетают никакие запахи со стороны. А это плохо.

Я хотел было что-то сказать, но в этот момент Вершинский, совершенно неожиданно для меня, резко развернулся, одновременно скидывая карабин с плеча, и почти без прицела, с бедра, шарахнул гарпуном в заросли акации, из которых мы недавно выбрались. Воздух расколо струйкой пара, оставшейся за стабилизаторами снаряда, а через миг глухо ударило сначала одним взрывом, затем сразу вторым, намного мощнее первого. Мы с Ксюшей бросились на землю, Вершинский лишь присел на одно колено. Ударная волна прошла через нас упругим жаром, и со шмелиным воем мимо пронеслось несколько крупных обломков сучьев. А вот у нас за спинами, подточенное дождями и редкими морозами, осело довольно большое здание, подняв в воздух настолько густую тучу пыли, что мы на время потеряли друг друга из вида.

Я тут же кинулся к ближайшему зданию, где его помнил, чуть не налетел башкой на бетон, но проскользнул в оконный проем цокольного этажа и занял стрелковую позицию. Ракетное ружье – не то оружие, из которого можно палить попусту, не видя куда. Так что я даже не стал снимать его с предохранителя, всегда успею.

– Все живы? – донесся до меня хрипловатый голос Вершинского.

– Со мной порядок! – отозвался я.

– Все отлично! – раздался звонкий голос Ксюши.

Вскоре, в вихрящихся клубах пыли я разглядел прихрамывающую фигуру в гидрокостюме. Это был Вершинский, и карабин он держал наготове, уже снарядив его вторым гарпуном. Меня это обеспокоило. Судя по мощному взрыву, выстрел Вершинского достиг цели и угодил в какую-то крупную тварь. Сам гарпун так рвануть не может. Но как биотех, тем более крупный, мог оказаться так далеко от моря? И если один тут, так близко от нашего поселка, то и другие могут остаться.

– СМ-1200, – произнес Вершинский, забираясь ко мне в окно. – Такой же, каких вы сегодня прикончили.

– Далековато от моря, – произнесла Ксюша, закашлявшись от пыли.

– Могут быть и другие, – предупредил Вершинский. – Если я прав, у них тут может оказаться нечто вроде гнезда. Далеко ваш поселок?

– До карьера отсюда километра два по прямой, – ответил я.

– Ладно, подкрепление звать не будем, – заявил Вершинский. – Попробуем сами справиться. Но соблюдать осторожность и двигаться только за мной. Все ясно?

Мы с Ксюшей по очереди кивнули.

– Даже если бы захотели, не смогли бы позвать, – добавил я. – Рации нет.

– Вообще? – удивился Вершинский.

– Вообще есть, но они на крайний случай, и на рыбалку мы их не берем. Там, что случись, рация не поможет. А их не так много.

Пыль постепенно рассеивалась вихревым сквозняком, крутившимся на площади. Вершинский поднял с земли оброненную карту, покрытую серым порошком раскрошенного строительного композита, и снова с ней сверился. Ступая за ним, мы добрались до склона холма, но сразу стало ясно, что искать тут особо нечего. Склон холма несколько раз обрушался с этой стороны. То ли от ударной волны, долетавшей от взрывов в море, то ли его подтачивали подземные воды. Так или иначе о поиске входов в какие-то подземелья не могло быть и речи – вдоль всего склона валялись глыбы, против которых не хватило бы всей имевшейся у нас взрывчатки.

– И все же СМ-1200 как-то сюда прополз, – задумчиво произнес Вершинский, перепрыгивая с глыбы на глыбу. – Я думал, что выходы штолен сохранились, а сами ходы залиты водой и сообщаются с морем.

Я подумал, что нам бы пришлось несладко, окажись старик прав. У нас бы тогда под боком оказались, без преувеличения, врата в обитель чудовищ.

Мы двинулись обратно тем же путем, каким сюда и пришли. Ксюша показала мне за спиной Вершинского, чтобы тот не видел, жест, означающий крайнюю степень удивления. Я ей ответил:

«Да, старик отжег».

Неожиданно Вершинский обернулся.

– Я может и старик, – произнес он вслух. – Но не рекомендую думать, будто что-то можно незаметно сделать у меня за спиной.

«У него глаза на затылке что ли?» – подумал я с беспокойством.

Честно говоря, я представления не имел, как можно было увидеть мои или Ксюшины жесты. Разве что у него только в боевом каркасе припрятано какое-то распознающее устройство. Но это я посчитал маловероятным.

Осмотрев место взрыва, мы нашли куски панциря и лапу патрульника. А они редко, почти никогда не бродят по одному.

– Вот я старый дурак! – воскликнул Вершинский с довольным видом, и хлопнул себя по лбу свободной от карабина ладонью. – Это ведь город! Город, понимаете? А в приморских городах канализационные тоннели всегда выходят к морю, где стоит очистная станция. Очист-

ная станция давно разрушена, а потому сейчас под нашими ногами плещется море. Надо найти люки!

Я сразу понял, о каких люках идет речь. Только в том городе, где мы жили до злополучного полета на баллистике, канализация не вела в море. Через пять минут поисков, мы нашли сначала наглухо забитую ливневую решетку, а затем и металлический люк, с зияющей трещиной посередине. Вершинский вынул из ножен боевой кинжал, подковырнул им половинку люка, и, не заглядывая, кинул вниз расчехленную ручную глубинную бомбу.

– В стороны! – приказал он. – Замедлитель на пятнадцать секунд!

Взрывом шарахнуло мощно. Остатки крышки люка вынесло в небо, как снаряд из пушки, а через миг следом ударил вверх мощный фонтан, выплеснувший не только воду, но и пятерых змеевиков. Ксюша среагировала быстрее меня, поразив двух тварей двумя выстрелами из винтовки, едва их туши шлепнулись в размокшую пыль. Те рванули, сбив нас с ног ударной волной, но зато и другие твари детонировали. Старые руины, и без того доживавшие свой посмертный век, не выдержали натиска нескольких взрывов, и начали оседать, как снег под лучами весеннего солнца. Стало почти темно, как бывает за пару минут до рассвета, пыль закрыла солнце, и сквозь ее клубы на нас еще несколько секунд рушился поток водяных брызг. Пыль и земля под нами раскисла, и мы, когда поднялись, сделались похожими на упырей, которые в полночь вылезли из гнилого болота.

– Красавчик! – рассмеялась Ксюша.

– На себя посмотри! – Я показал ей язык и обратился к Вершинскому: – Патрульник через такой люк не выберется.

– Очевидно. – Он кивнул. – Значит, есть дыра побольше. Или провал где-то, или они вылезают через развалины насосной станции. Это надо будет учесть, но того, что я искал, мы не нашли. Так что веди в поселок.

Я выполнил указание не без удовольствия. Не очень-то хотелось встретиться с чем-нибудь крупным на узкой улочке между развалинами.

– А что конкретно вы пытались найти? – решила спросить Ксюша.

На мой взгляд она уже, на каком-то генетическом уровне, начинала понимать свою власть над мужчинами, и предполагала, что ей не откажут.

Но Вершинский промолчал, внимательно оглядывая окружающее пространство.

– Я поняла, что вы искали штольни винного завода. Но зачем? – не унималась Ксюша. – Если для выхода к морю, то мы его нашли, мне кажется. А еще зачем?

– Я же вроде говорил, – покосившись на нее, ответил Вершинский. – В штольнях могут быть важные ресурсы. У меня есть данные, что подземные сооружения вблизи моря использовали военные для своих нужд. Задолго до войны. Но я точно не знаю, какие из штолен.

– А их несколько? – Я не смог сдержать удивления.

– В этом районе мне известно два места с подземными сооружениями. Это штольни винного завода, но они завалены, а другие штольни морских арсеналов. Они интересуют меня намного больше, но они на другой стороне реки. То место нахрапом не взять, судя по снимкам с орбиты.

На подходе к поселку нас встретили часовые. Для них появление Вершинского было не меньшим чудом, чем для нас с Ксюшей, но все старались вести себя сдержанно.

– У вас есть кто-то главный? – напрямую спросил Вершинский.

– Конечно, – ответил я. – Дохтер. Он единственный взрослый из нас.

– Мне надо с ним поговорить.

– Он уже ждет, – сообщил один из часовых по прозвищу Баклан. – Рыбы принесли?

Я чуть подпрыгнул, чтобы показать, что ранец за спиной не пустой.

– Это супер! – Баклан приободрился, он был известным любителем скушать лишнего, за что и получил свое прозвище. – Тащите на камбуз. Мы Вершинского сами к Дохтеру отвезем.

Он был прав. Мы с Ксюшей двинулись по тропинке направо, она вела к хозяйственным постройкам, а Вершинский с часовыми отправились по более крутой тропинке налево, туда, где располагалось жилье.

На камбузе дежурил Пучеглазый. Видно было, что новость о прибытии Вершинского дошла до него, он суетился больше обычного, но тоже не хотел показывать излишних эмоций.

– Хорошая рыба сегодня, – приговаривал он, хотя рыба была самой обычной. – И много как наловили.

– Нам помогли, – я решил избавить его от мучений и попыток «сохранить лицо». – Слышал, мы кроме рыбы Вершинского в море выловили?

– Ну. Щепя рассказал всем. Но без подробностей. Как вы его нашли?

– Говорю же, выловили. Из моря. В самом прямом смысле слова.

Мы с Ксюшей вкратце рассказали Пучеглазому, что произошло на берегу. Тот местами удивлялся, поржал в том месте, где мы описали выражение лица Вершинского, когда он вернулся из леса, держа ус патрульника, а потом спросил напрямую:

– Они нас спасут?

– Они? – Ксюша вздернула брови.

– Ну, охотники.

– Он один, – ответил я, и опустил глаза. – Один и без связи.

Дальше пришлось разбирать рыбу молча. Мы с Ксюшей помогли ее почистить и выпотрошить, после чего делать на камбузе нам стало совсем нечего.

– Не хочу в поселок, – призналась Ксюша.

Я не мог себе объяснить почему, но меня тоже туда не тянуло. Наверное, беда была в том, что появление людей в нашем затерянном мире должно было все изменить. Оно, конечно, изменит. Но не совсем так, как нам бы хотелось.

– Пойдем на Край, – предложил я.

Краем мы называли небольшой участок выработки, где она производилась сразу с двух сторон карьера, с внутренней и внешней. В результате часть холма превратилась в высоченную, метров шестьдесят высотой, белую стену из оголенного известняка. Туда мало кто ходил, но оттуда открывался великолепный вид одновременно на Западную Гору со Склоном Циклопов, на море, на реку и на поселок. Это было «наше место». Мы с Ксюшей забирались туда и подолгу молча сидели, глядя на живописные красоты. Ксюша бала единственным человеком на свете, с кем интересно было молчать, а не только болтать без умолку. Хотя и поболтать с ней было приятно, но тем для разговора в нашей жизни было не так уж много. А вдыхать запах ее волос я мог бесконечно. Ксюша наверное не знала, а может и догадывалась, почему днем я садился так чтобы она оставалась между мной и морем, а вечером, наоборот, садился ближе к морю. Все дело было в бризе. Днем он дул с моря, вечером с берега. Я садился так, чтобы он всегда дул от Ксюши ко мне. Мне нравилось, как она пахнет.

Мы скинули ранцы, отложили оружие, и усадились на гребне «стены», примяв горькую полынь и пряные степные травы. До одури хотелось Ксюшу обнять. Не так, как в кино это делали взрослые, а просто положить руку на плечи. Но я сдержался.

– У меня странное чувство, – поделилась Ксюша, неожиданно прижалась ко мне и без затей положила голову мне на плечо. – Вершинский... Он опасный.

– Не мудрено, – я чуть было не пожал плечами, для меня это было очень привычное и естественное движение, но тогда бы я потревожил Ксюшу. – Он охотник. Убил много тварей. И много людей.

– Да. Он другой, чем мы. Не просто старше, а совсем из другого теста. Тебе не показалось, что он нас водит за нос?

– В каком смысле?

Нельзя сказать, что я вообще ее не понял, но лучше было уточнить.

– Когда он предложил починить батиплан, это на меня произвело сильное впечатление, – произнесла Ксюша, не отрывая щеки от моего плеча. – Я прямо представила, как мы ныряем, и все такое. Потом представила, как Вершинский нас учит управлять кораблем, и мы всем поселком выходим в море под прикрытием батиплана...

– Ну, да. У меня тоже такие картинки в голове нарисовались.

– Но когда он предложил сначала пойти в город, искать какие-то штольни, вместо того, чтобы напрямик дуть к Дохтеру в поселок, я как-то призадумалась. А потом он начал искать канализацию, потом сказал про другие штольни. Это странно для человека, который прибыл сюда, как рассказал, чтобы захватить уцелевшие корабли в бухте.

– Да странно, – ответил я. – Думаешь, он нам заливал цистерны, потому что мы дети? Ляпнул про батиплан, чтобы нас воодушевить?

– Не знаю. Все же Вершинский. Но он одержимый, это однозначно. И непонятно, что у него на уме. И я не знаю, как ко всему относиться. Но его рассказ вызывает сомнения.

– У нас особо и выбора нет, – подумав, ответил я. – Или жить, как жили, до конца дней, или попробовать что-то другое.

Ксюша подняла голову с моего плеча, потерла щеку, и глянула с обрыва на море.

– А ты бы что выбрал? – спросила она, и легла у моих ног, положив затылок мне на бедро. У меня чаще забилося сердце.

– Я хочу быть с тобой, – едва выдавил я из себя, боясь, что если сделаю паузу, на продолжение может не хватить духу. – По-настоящему.

– По-взрослому, ты хотел сказать? – она улыбнулась и закрыла глаза, сделавшись похожей на довольную кошку.

– Ну... Да. Честно говоря, я готов рискнуть жизнью ради этого, пойти за Вершинским, в бездну куда угодно. – Чем больше я говорил, тем больше набирался смелости. – Тут мне все нравится. Но я не готов прожить всю жизнь, не имея возможности...

Тут я запнулся, не находя подходящего слова.

– Я тоже хочу, – негромко произнесла Ксюша. – Хочу быть с тобой. Вершинский меня напугал, правда. Но не настолько, чтобы я сдрейфила.

– Он сильное впечатление производит, тут не поспоришь. Но он прожил долгую полную приключений жизнь. И выжил. Возможно, нам есть чему у него поучиться.

– Я поняла, как он увидел, что мы переговариваемся жестами за его спиной. Он привык держать перед собой карабин таким образом, что видит отражение на полированной поверхности наконечника гарпуна. Это у него на рефлексах, похоже, он об этом не думает.

– Ни фиги себе...

Мы посидели еще немного. Мне было очень приятно ощущать близость Ксюши и я не хотел прерывать это состояние ни ради чего. Только когда она подняла голову с моего бедра, я согнул ногу в колене, потому что она затекла.

– Пора в поселок, – вставая на ноги, сказала Ксюша. – Честно говоря, у меня дурное предчувствие.

У меня на душе тоже было тревожно, но я не стал нагнетать обстановку. Впрочем, этого и не потребовалось. Мы еще не перемахнули через холм, отделяющий хозяйственную часть от жилой зоны поселка, а уже услышали голос Дохтера. Говорил он на повышенных тонах, и его, то и дело, поддерживала гулом толпа ребят.

– Вы не имеете права! – Дохтер то и дело срывался на визг. – Что вы предлагаете? Пустить детей на смерть? Вы с ума сошли? Настоящий Вершинский никогда бы такого не предложил! Вы самозванец, немного похожий лицом на великого охотника.

– Ни фига себе! – произнесла Ксюша, и присела на корточки, знаком показав, чтобы и я последовал ее примеру.

Мы залегли, и проползли с десятков шагов по-пластунски, подтягивая за собой ранцы и оружие. Добравшись до вершины холма, откуда уже было видно строительные бытовки, которые использовались для жилья, мы укрылись за высокими метелками полыни, и принялись наблюдать за тем, что происходило внизу.

А внизу Дохтер, взобравшись на помост, с которого делал все объявления, вещал, размахивая руками. Вокруг него собрались ребята, кроме работавших на камбузе и несших службу по периметру лагеря. Вершинский стоял у самого помоста, глядя на Дохтера снизу вверх. Карабин он держал гарпуном вверх, и я понял, что Ксюша права, он всегда видел в отражении происходящее за его спиной.

– Вы отказываете мне в помощи? – уточнил Вершинский.

Он тоже был вынужден повысить голос, чтобы перекрыть шум толпы.

– Вы это помощью называете? Бросить неподготовленных детей в глубину, чтобы они, своими жизнями, расчистили вам путь к батиплану? Это массовое убийство, а не помощь.

– Хорошо, я понял. – Вершинский кивнул. – Справлюсь сам. Глюкозу хотя бы дадите?

– Я вам ничего не дам, – окончательно осмелев, сообщил Дохтер. – Даже больше того. Я вас арестую. И, при случае, передам в руки настоящих охотников.

– Вы серьезно? – Вершинский опустил карабин прикладом на землю, оперся на него и расхохотался. – Вы меня арестуете?

– Вы напрасно смеетесь! – осадил его Дохтер. – Я вас и пальцем не трону. Вас арестуют дети. Вы же не станете драться с детьми.

Смех Вершинского прервался, словно его отсекли ударом глубинного кинжала.

– Детми прикрыться решил? – чуть подавшись вперед, переспросил Вершинский.

Я увидел, как Ксюша, коротко перекатившись чуть ниже по склону холма, вскочила на ноги и бросилась к Северном Гребню карьера.

«Оставайся на месте! – показала она жестами уже на бегу. – Прикрывай Вершинского с ружьем. А я сверху, с винтовкой!»

Я снял ружье с предохранителя и крикнул, не высываясь.

– Эй, внизу! Здесь Долговязый. У меня ружье. Чайка в засаде с винтовкой. Как она стреляет, вы знаете. Если кто хоть двинется в сторону Вершинского, тут же склеит ласты.

– Ты станешь стрелять в своих товарищей? – крикнул Дохтер, пытаясь найти меня взглядом.

– Тут как получится. Говорю же, у меня ружье. Кого посечет, того посечет. Но целиться, для начала, буду в вас.

– Чего ты хочешь?

– Чтобы вы отвяли от Хая. Если дрейфите, сидите тут, никто не мешает. Мы с Чайкой пойдем с ним. Попробуете помешать, мне терять нечего. Я тут гнить не намерен.

– Ах, вот, в чем дело! – Дохтер рассмеялся, а потом обратился к ребятам: – Долговязый же у нас типа Ромео. Его не устраивает наше сообщество, потому что тут нельзя делать с девочками то, что делали взрослые мужчины с вашими мамами. И от чего все умерли.

Толпа дружно заржала, делая неприличные жесты.

Впрочем, такое отношение ко мне я уже замечал. На Ксюшу многие заглядывались, и многих бесило, что она отдает предпочтение мне. Вершинский тем временем сделал несколько шагов назад, сквозь толпу, но его облепили, а Кузнечик схватился за его карабин. И тут с севера прозвучал хлесткий винтовочный выстрел. Кузнечик вскрикнул, завертелся

волчком, забрызгал всех вокруг кровью из переломанного пулей плеча, и грохнулся на землю, визжа как поросенок.

– Следующей полетит ракета! – предупредил я. – Хай одет в кевларовый гидрокостюм, ему ничего не будет. Все в стороны от него!

Но, вместо того, чтобы ринуться врассыпную, как я ожидал, толпа рванула в мою сторону. Но им бежать было сложно, вверх по склону холма. Четверо, во главе с Корягой, остались рядом с Вершинским.

Я размышлял лишь секунду. Чего тут было размышлять, если все было ясно? Если я хочу Ксюшу, мне надо вырваться из поселка, из-под власти Дохтера, из системы его запретов, вылечиться от этой гадской болезни, и... В общем, я прицелился, и выпустил ракету так, чтобы она попала между мной и рвущейся на вершину холма толпой.

Жахнуло знатно, я использовал ракету с двумя красными рисками, для большего эффекту. Такие ракеты, кроме боевого заряда, оснащены еще медленно горящими зажигательными элементами. Пылающие звездки фонтаном взмыли в небо, вместе с известковой пылью, оставляя за собой белые дымные трассы. А потом посыпались вниз. Толпа дрогнула и ринулась назад, чтобы уйти от падающих сверху огненных точек. Большинству это удалось, но трое упали в траву, катаясь и пытаясь засыпать пылью пороховые комочки, попавшие на кожу. Щелкнул еще один винтовочный выстрел, и я увидел, как Коряга рухнул на спину, неприлично ругаясь, и подтянув к животу колена простреленной ноги.

– Всем собратся у озера! – приказал я, привстав на одно колено, и перезаряжая ружье. – Я повторяю, мне терять нечего.

Дохтер так и остался стоять на помосте. Вершинский пинками разогнал троих пацанов, и что-то крикнул Дохтеру. Мне пришлось отправить в сторону толпы еще одну ракету, чтобы окончательно убедить их выполнить мой приказ, и сосредоточиться на берегу озера. Больше всего я волновался, что меня снимет кто-то из часовых. Но, с другой стороны, они прекрасно понимали, что против Ксюши у них нулевые шансы.

Вскоре со стороны принадлежащего Дохтеру вагончика прибежал Чучундра, и передал Вершинскому несколько пластиковых коробок. Тот кивнул, закинул карабин на плечо, и двинулся в сторону тропы, по которой мы его сюда привели. Я жестами показал Ксюше, чтобы его встречала, а сам рванул к камбузу. Там Баклан уже пожарил первую партию рыбы, и я, экспроприировав несколько порций, рванул наперерез Вершинскому.

Он меня заметил.

«Проходите, сверху прикроет Чайка, я со спины», – показал я ему жестами.

Мы двинулись боевым порядком – Вершинский впереди, а я позади него, спиной вперед, направив ствол ружья в сторону поселка. Сверху снова выстрелила винтовка. Похоже, Дохтер пока не собирался отказываться от идеи погони. И что ему так припекло-то? Ну, ушел Вершинский. Ушли мы. Убудет от него, что ли?

– К развалинам! – приказал Вершинский.

– Там же твари.

– Сейчас они меньшая угроза, чем люди.

Я не был с этим согласен на сто процентов, но спорить не стал. Мне вдруг пришла в голову мысль, совершенно очевидная, но почему-то мое внимание на ней сосредоточилось только теперь. Ведь я прикрываю спину самому Хаю. Я! Да еще и в паре с Ксюшей. Это ведь вообще отрыв башки. Нечто нереально крутое.

Воодушевившись, я решил Вершинскому вообще не перечить. Кто он, а кто я?

На склоне холма показалась Ксюша. Она спускалась приставными шагами, держа винтовку наготове. И сбавил темп, чтобы, чтобы дать возможность Ксюше занять позицию между мной и Вершинским. Оказавшись у стеклоновой дороги, мы резко свернули на север, к руинам города.

– Спасибо, что помогли! – Вершинский присел на корточки, положил карабин у ноги, открыл багажный отсек боевого каркаса, и уложил туда конфискованные коробки с глюкозой. – Теперь надо среди руин найти такое здание, которое не рухнет от любого взрыва. Покрепче, в общем. Мы заберемся наверх, и крупные твари не смогут к нам сунуться.

– А змеевики? – уточнила Ксюша.

– Против змеевиков у меня есть средство, не волнуйтесь.

Я вспомнил хорошую двенадцатизетажку с бетонным каркасом и сохранившимися панелями стен, недалеко от площади, и повел всех туда. Вершинский, осмотрев высотку, мой выбор одобрил. Внутри мы нашли две пустых лифтовых шахты, и лестницу, ведущую наверх. По сути эта лестница была единственным путем наверх. Вершинский пропустил нас вперед, и установил на ступеньку какое-то устройство.

– Ультразвук, – пояснил Вершинский. – Так штука молчит, но стоит к ней приблизиться змеевику, или другой твари, сработает сенсор, пошлет сигнал нам, наверх, а по твари шарахнет ненаправленным ультразвуком. Змеевиков это дезориентирует. Иногда они взрываются, иногда просто уползают подальше.

Мы поднялись до второго этажа, и Вершинский активировал ловушку с маленького, похожего на брелок, пульта.

– И много у вас всяких штук? – спросила Ксюша.

– Кое что есть.

Забраться на двенадцатый этаж с ранцами и оружием стоило нам приличных усилий, а Вершинскому, хромавшему на правую ногу, и подавно. Пришлось три раза останавливаться, чтобы он мог перевести дух. На двенадцатом этаже мы прошли по коридорам, и выбрали в качестве убежища на ночь большую трехкомнатную квартиру, часть окон которой выходило на юг. К сожалению, самого поселка видно не было, мешал склон холма, но вот тропа, по которой нас могли навестить незваные гости, просматривалась отлично.

Комната была завалена обломками прохудившейся мебели.

– Дежурство по очереди? – спросил я.

– Нет необходимости, ответил Вершинский, и достал из своей заначки штуковину, похожую на маленький бинокль. – Датчик движения. Отследит меняющиеся пиксели на матрице, подаст сигнал.

– Типа автоматической камеры? – уточнил я.

– Она самая. Спецвариант для боевых условий.

– Круто! – Ксюша подошла поближе, помогла Вершинскому закрепить устройство на остатках оконной рамы.

– Отлично. – Вершинский потер ладони. – Теперь надо подумать об ужине.

Я с довольным видом достал из ранца изъятую с камбуза рыбу.

– Ну ты молодец, Долговязый, – рассмеялся Вершинский. – Настоящий охотник.

– Это почему? – чуть надула губы Ксюша.

– Потому что настоящий охотник всегда стремится к месту, которое ближе к камбузу, и подальше от штаба.

Мы рассмеялись. Вершинский встал около окна, и неожиданно спросил, не глядя на нас:

– Где похоронены ваши взрослые?

Мы с Ксюшей глянули друг на друга. На ее лице читалось не меньшее удивление, чем на моем.

– Всех сожгли, – ответил я.

– А что за болезнь была, подробно? Как заражались, какие симптомы?

Описывать подробности при Ксюше я стеснялся. Но она меня выручила.

– Дочтер сказал, что это связано с сексом. Болезнь то ли передавалась половым путем, то ли возбудитель активировался от секса. Поэтому умерли только взрослые.

– А Дохтер? – уточнил Вершинский.

– У него не было женщины, – ответил я.

– Интересно... – Вершинский повернулся к нам, и оперся спиной о голую бетонную стену. – Вы говорили, что все взрослые умерли за неделю.

– Чуть меньше, чем за две, – поправил я.

– А когда стало понятно, что это от секса?

– Дохтер сразу выдвинул такую теорию. Другие сказали, что это невозможно, что дело в другом. Но тогда было непонятно, почему умерли только взрослые, которые занимались сексом. А дети и Дохтер не заболели.

– И ты хочешь сказать, что взрослые продолжили заниматься сексом, зная, что от него уже кто-то умер? – удивился Вершинский.

– Не знаю. Они же это в одиночестве делали... – Я пожал плечами, чувствуя себя ужасно неловко.

Но Ксюша, о которой я больше всего волновался, как раз признаков неловкости не выказывала. Это меня немного успокоило.

– На самом деле, я не знаю такой болезни, которая активируется от секса, – признался Вершинский. – Честно говоря, я вообще сомневаюсь в такой возможности.

– Но ведь были болезни, передающиеся половым путем! – похвасталась познаниями Ксюша.

– Это совсем другое. – Вершинский покачал головой. – Вирус или бактерия должны откуда-то взяться, чтобы потом передаваться. И меня удивляет этот срок – две недели. Если Дохтер забил тревогу, все наверняка временно воздерживались от секса.

– Ну, может они заразились раньше, а болезнь проявилась позже? – предположила Ксюша.

– С такой разницей не бывает. Если заразились одновременно, то там разница в проявлении симптомов всего несколько дней. К тому же я не знаю ни одной болезни, передающейся половым путем, от которой люди бы умирали так быстро.

– Может, она не передавалась. – Ксюша поделилась одной из версий, которыми нас кормил Дохтер, когда все произошло. – Возможно, вирус только активировался во время секса.

– Как именно?

– Ну, во время возбуждения же происходят какие-то особые биохимические процессы, они и запускают механизм вируса. Поэтому Дохтер запрещал нам не только секс, но и вообще всякое возбуждение. Ну, руками там друг друга удовлетворять, целоваться.

– И он вам все это подробно объяснял? – удивился Вершинский.

– Ну, да, – я пожал плечами. – Когда взрослых не осталось. Собирал отдельно мальчиков, отдельно девочек, и рассказывал, чего делать нельзя. Картинки показывал.

– Девчонкам тоже, – подтвердила Ксюша. – Он сказал, что когда мы вырастим, наш иммунитет найдет способ подавлять вирус, и тогда можно будет заниматься сексом. Но надо подождать.

– Это бред, – уверенно заявил Вершинский. – Не зря я заподозрил неладное. Так, Ксюша... Нет, Долговязый, давай-ка, дуй в коридор. Мне надо твоей даме задать несколько очень интимных вопросов, ответы на которые тебе лучше не знать. Захочет, сама передаст наш разговор. Но это важно.

Мне не оставалось ничего иного, как подчиниться. Но уже минут через пять Вершинский позвал меня обратно. Лицо у Ксюши было пунцовым. Ее мало чем можно было смутить, но если это произошло, то вопросы были те еще. Я решил никогда не спрашивать у нее о произошедшем разговоре. Хотя любопытство меня едва ни разрывало.

– Я пришел к выводу, что ваши взрослые погибли не от болезни, – уверенно заявил Вершинский. – Никакие концы с концами не сходятся. Нигде и никогда о такой болезни никто слыхом не слыхивал.

– Может, из города занесли? – вспомнил я еще одну весрию Дохтера.

– То, что я сейчас узнал от Ксюши, однозначно указывает на то, что ни одна из озвученных вами версий не выдерживает никакой критики. Так попросту не бывает. Но у меня родилась версия, которая способна объяснить все. Суть в том, что у Дохтера не было женщины. И не было уже давно. А у других они были. И ни одна женщина не соглашалась с ним лечь. Почему?

– Ну, он противный, – призналась Ксюша. – Ладони у него мокрые, я говорила. Он еще в детстве пытался нас соблазнять, даже глюкозки давал, которые воровал у отца, чтобы за них кто-то из нас ему письку показал.

У меня начали возникать смутные подозрения о теме их тайной беседы. Мне сделалось не по себе. Впрочем, я тоже помнил наклонности Дохтера насчет девочек, даже когда мы были еще совсем мелкие.

– В общем, он ждал. Ждал, что кто-то подрастет из девчонок, обратит на него внимание. Но этого не происходило. Тогда у него в голове возник план. Убить всех взрослых и взять колонию под свой полный контроль.

– А смысл? Все равно девчонки выбирают мальчишек, а не его, – удивился я.

– Какой толк от их выбора, если Дохтер запретил вам любые физические отношения? И он полностью владеет вашими умами. В его руках находится как бы сакральный ключ.

– Что это? – не понял я.

– Право давать ответы на все вопросы. Право быть единственным достоверным источником любых вопросов о мире. Когда-то сакральный ключ был у религии, потом перешел к науке, затем перешел к средствам массовой информации. А у вас, после смерти других взрослых, он остался у Дохтера. Что случилось со взрослыми? Ответ дает Дохтер. Почему это случилось? Ответ снова у Дохтера. А больше узнать не от кого. Приходится верить тому, что есть. А своего жизненного опыта у вас не хватает, понять, что вас дурачат. Причем, в корыстных целях. Установив контроль над колонией, он получал возможность контролировать любые сексуальные проявления как у мальчиков, так и у девочек. Возможно, ему бы со временем удалось кого-то из девочек соблазнить, под видом проверки реакции на возбуждение...

Я заметил, что Ксюша опустила глаза. У меня куча картинок в воображении промелькнула, и мне сразу захотелось не просто убить Дохтера, не просто отомстить за гибель взрослых, а кишки из него выпустить, и заставить их жрать. Но я взял себя в руки. Гнев в бою не помощник. В бою помогает только слепая свирепость. А это вещи разные.

– В общем, у Дохтера был мотив, очень явный, избавиться от взрослых. И была возможность. Он ведь врач, постоянно делал прививки, колол витамины. Он мог что угодно занести любому. И выдать это за «инфекцию из города, активирующуюся от секса». Причем, пока взрослые не все умерли, он эту идею не очень педалировал, понимая, что она шита белыми нитками. Симптомы болезни, которые мне описала Ксюша, очень похожи на признаки столбняка. Вырастить эту страшную бактерию не составляет труда. При минимальных навыках. Я не могу этого доказать, трупов нет, исследование на столбнячные токсины не провести. Но то, что взрослые умерли не от загадочной болезни, о которой никто в целом мире не слышал, это можно считать доказанным.

– На основании чего? – не понял я.

– На основании моих ответов на его вопросы, – сухо ответила Ксюша. – Доктор нам точно врал, можешь не сомневаться. Если бы он сказал правду, я бы уже была мертва.

У меня ком подступил к горлу, и я воздержался от дальнейшего разговора, чтобы не выдать себя дрожащим голосом.

– Это объясняет и то, почему Дохтер не оказал мне помощь, и никого со мной не отпустил.

– Да, это очевидно, – кивнула Ксюша за меня, сообразив, что со мной творится неладное. – Мы для него ресурс. Мальчики один ресурс, девочки другой. Вот же гад... Трудно поверить, но ведь... Да, никаких сомнений.

Я постарался силой воли унять бешенный стук сердца в груди, но это мне не удалось. Ладони и лоб вспотели. Чтобы скрыть, что происходит внутри меня, я встал у окна и посмотрел наружу. Близился вечер. Преследовать нас, похоже, никто не собирался. По крайней мере пока. Но ночью никто не отважится соваться в развалины, в этом я был совершенно уверен.

– Я знаю, есть трупы, которые можно исследовать, – вспомнил вдруг я. – В городе, в здании штаба ВМФ. – Во время одной из вылазок Гофманы не вернулись, два брата. А на следующий день умерли их жены. Тащить их не стали, сжигать тоже. Боялись здание штаба поджечь. А там же оружие еще было. Дохтер хотел было специальную вылазку туда организовать, чтобы трупы все же сжечь. Но взрослые, кто остался, отклонили эту идею. А нас он в город не отпускал.

– Это мы возьмем на заметку, – пообещал Вершинский. – И если дело дойдет до суда, то хорошо будет иметь доказательство. Но лично для меня вина Дохтера доказана.

– А что дальше? – напрямую спросил я.

– Дальше? – Вершинский задумался. – Вы меня очень выручили, ребята. Очень не хотелось бы бить пацанов. Выручили, и я буду с вами откровенен. Скажу то, что говорить не собирался никому. Вам тоже. Слишком это важное дело, чтобы поднимать волну раньше, чем получу хоть какой-то результат.

– Это касается штолен? – напрямик спросила Ксюша.

– Да. Но это длинная история. Вкратце скажу лишь, что тут может найтись штука, которая для победы над биотехами может оказаться намного важнее стоящих в бухте кораблей. И не ради кораблей я затеял экспедицию. И не собирался я поднимать батиплан. Толку от него ни малейшего. Главный силовой агрегат нам тут не починить.

– Интригует, – усмехнулась Ксюша. – Зачем же вы сообщили Дохтеру, что собираетесь поднять батиплан? Зачем просили ребят к этому привлечь?

– Я заподозрил вашего Дохтера сразу, как только увидел. Интуиция. Мелочи. Взгляд, движения. Ваш рассказ о взрослых, умерших от болезни. Все это сложилось, и я решил проверить, как он отреагирует.

– Вы необычный человек, – произнесла Ксюша.

Наверное, я все же сгустил краски. Если бы ее рассказ для Вершинского содержал совсем уж ужасающие подробности, она бы так быстро в себя не пришла. Мне стало легче дышать. Но настроение у меня все равно было мрачнее тучи. Солнце все ниже клонилось к темным скальным склонам Горы Циклопов.

Глава 4. «СЕРАЯ РАСЧЕСКА»

Честно говоря, на меня версия Вершинского насчет Дохтера произвела большее впечатление, чем я ожидал. По первому делу, конечно, шок, плюс у меня еще из головы не выходило, что там могло случиться между Ксюшей и Дохтером, но по мере подготовки помещений к ночлегу, шок отступал, да и мысли все больше фокусировались не на прошлом, а на будущем. Ведь если вирус был придумкой Дохтера, и никакой такой болезни в природе не существовало, то между мной и Ксюшей, в плане физической близости, не оставалось никакой стены. Хотя, конечно, это с моей стороны и с моей точки зрения. Что там у Ксюши в голове происходило, я представления не имел, а спрашивать, да еще сразу, да еще в лоб, конечно, было бы слишком. Уж если я терпел раньше, то и дальше со мной ничего не случится, и ничего у меня не отвалится.

Впрочем, я заметил, что и Ксюша вела себя посмелее. Раньше она не позволяла мне долго себя целовать, чтобы не вызвать у меня излишнего возбуждения и связанных с этим последующих проблем, не позволяла пялиться на самые интересные, с моей точки зрения, формы тела. Нет, не запрещала, но превращала это в шутку такого уровня, что у меня и возбуждение пропадало махом, и желание повторять ситуацию. На какое-то время. А в этот вечер, когда Вершинский ушел грохотать мебелью в другую комнату, мы с Ксюшей придвинули стол к окну, взобрались на него с ногами, и долго, со вкусом, целовались на фоне заката. Это было невероятно, головокружительно, как не было еще ни разу ни с ней, ни, тем более, с кем-то другим. Впервые, нам ничего не мешало, и впервые Ксюша не отстранилась, а все больше распялась сама, крепко жмурясь от наслаждения, которое тут же передавалось и мне. У меня, грешным делом, возникли даже мысли сделать новый, еще неизведанный шаг, но я сдержался. Теория Вершинского могла оказаться только теорией, хотя и весьма правдоподобной. Пока не попадем на большую землю и не сдадим анализы, рисковать не стоит. Я не за свою шкуру боялся, а не хотел навредить Ксюше.

Вскоре стало совсем темно. Вершинский, судя по отсутствию звуков из его комнаты, улегся спать, да и нам пора было об этом подумать. Мы слезли со стола и осмотрелись. Выбор для лежанки был невелик. Диван, некогда служивший хозяевам постелью, совсем прохудился, и из него торчали заржавленные пружины. Мы перевернули его, я снял с покосившегося шкафа тяжелую дверцу, и отбил ей ножки, чтобы не торчали и не мешали. Сверху мы застелили одежду из шкафа и улеглись.

Ксюша свернулась калачиком и почти сразу уснула, посапывая, как наш кот по прозвищу Балбес. Я осторожно ее обнял и тоже закрыл глаза. Мы впервые легли вместе спать. Ну, совсем уж как взрослые. Для меня это было знаковое событие. Я старался успокоиться, но сон все равно не шел, я невольно прислушивался к дыханию Ксюши и к биению ее сердца.

К счастью крутившиеся в голове фантазии все же трансформировались в не менее яркие сны. Проснулся я от злого солнечного блика, бьющего прямо в глаза. Надо же было уцелеть всего одному стеклу в высотном доме напротив. И в таком месте, что восходящее солнце отражалось, и било мне прямо в лицо. Я поднялся с дивана и протер веки. Выспался отлично, не смотря на неприятное пробуждение. А Ксюша продолжала спать, отвернувшись к стене. Я решил ее не будить, а посмотреть, что делает Вершинский, если проснулся.

Оказалось, проснулся. Он сидел посреди комнаты, разложив на полу и стульях содержимое своей поклажи. Чего там только не было! У меня глаза разбежались. Кроме боевого планшета охотника я разглядел еще несколько известных мне предметов, вроде ручных глубинных бомб, автоматического пистолета Бирюкова с верхним спуском и пищевых брикетов. Среди всего этого великолепия было странно увидеть самую обычную, на вид металлическую, расческу. Она лежала среди прочего, тускло-отблескивая. Мне показалось, что она сделана

из анодированного алюминия. Но удивило меня не только, что эта штуковина вообще нашла себе место в боевом каркасе Вершинского, но и то, что ее край был словно слизан. Не откушен, не отрезан, а скорее растворен чем-то, способным разъедать алюминий. Щелочью, например. Не хватало края и двух зубцов. То есть, по большому счету, расческа была негодной, но все же Вершинский таскал ее в рюкзаке.

Что значила для него эта расческа я спрашивать не стал, да и назначение большей части вещей являлось для меня тайной. В частности вовершенно непонятной была вещица, над которой колдовал Вершинский, когда я вошел. Штуковина была чем-то похожа размером и формой на обычную мыльницу, только черного цвета. Вершинский подключил ее проводом к боевому планшету и вносил какие-то данные. Сначала я подумал, что это, наверное, какой-то внешний накопитель информации, типа кристалла, на какие пишут фильмы, но большей емкости. Затем я усомнился, потому что когда Вершинский глянул на меня и приветливо кивнул, я разглядел на экране планшета себя самого, с вытянутым от любопытства лицом. То есть, штуковина была оборудована, как минимум, видеокамерой.

– Еще одна сторожевая штучка? – догадался я.

– Нет, скорее разведывательная, – усмехнувшись, ответил Вершинский. – Это дрон с автопилотом. Слышал о таких?

Я слышал, но не думал, что бывают такие маленькие, с мыльницу.

– Я ввел в него данные о навигационных точках и двух спутниках, которые помогут ему ориентироваться в пространстве, – произнес Вершинский, когда я кивнул. – Будем надеяться, не заплутает. Но, если что, вернем на ручном управлении.

– А что мы будем разведывать? – поинтересовался я.

– Вот тот склон, – Вершинский указал на Гору Циклопов. – Никто из вас там не был?

– Взрослые пытались забраться на гребень, но не вышло. А в обход далеко. Мне кажется, там был мощный взрыв, поэтому на склоне такие огромные камни валяются.

– Тебе верно кажется.

– Тогда там не может быть ничего интересного, – уверенно заявил я. – После такого-то взрываща.

– Взрыв произошел не в прошлую войну, а в позапрошлую, – удивил меня Вершинский.

– Это когда были фашисты?

– Именно. Внутри этой горы располагались штольни с арсеналами и заводом по производству взрывчатки. Когда фашисты приблизились, завод взорвали. Вся гора буквально взлетела на воздух, и осыпалась этими каменюками.

На пороге появилась Ксюша.

– Страшно представить, – произнесла она. И добавила с упреком в мой адрес: – Мог бы и разбудить.

Я не ответил. Она и так знала, почему я ее не разбудил, просто девочкам положено бурчать на мальчиков, чтобы не расслаблялись. Вот она и бурчала. Такая игра, правила которой были понятны нам обоим. Только мне, в отличие от Ксюши, эта игра не казалась обязательной.

Вершинский тем временем выдвинул из «мыльницы» четыре стойки, к которым крепились небольшие ажурные сферы антигравитационных приводов, шагнул вперед и без затей выкинул «мыльницу» через окно. Та падала лишь какую-то долю секунды, затем крутанула лихой пируэт, стабилизировалась в пространстве, активировав приводы, включила маршевый импеллер, и начала набирать высоту. Вскоре она полностью скрылась из виду, слившись с небом.

– Я установил дрон эшелон повыше, чтобы ваши ребята не сбили его, когда будет проходить над карьером, – пояснил Вершинский.

Он установил планшет на стул так, чтобы нам хорошо было видно изображение на мониторе. Камеру дрон нес отличную, и даже не смотря на почти километровую высоту, куда он

забрался, землю можно было различить во всех деталях. Мы с Ксюшей разглядели пацанов в карьере, они под командой Дохтера делали утреннюю пробежку, и часовых по краям карьера, и лес внизу, и даже отблеск реки, похожей на мятую серебряную струну.

Я подумал, что Ксюша права. Все поведение Вершинского говорит, что ни корабли в бухте, ни даже батиплан, оставленный на дне, не занимают его в такой степени, как желание обследовать штольни. Это не могло быть банальной придурью или банальным любопытством. Все, что я знал о Вершинском, было несовместимо с понятием «банальный». У него была цель. Ясная и четкая. Даже более ясная и четкая, чем он нам озвучил.

И тут, я думаю, дело было не в недоверии. Он просто не хотел раньше времени озвучивать что-то, что могло не подтвердиться. Потому что погоня за призраками – это тоже не про него.

– После той войны с фашистами на том же месте, только на другом склоне горы, снова обустроили арсеналы флота, – продолжил он. – Там штольни уцелели при взрыве, их отремонтировали, построили новые. И эти арсеналы действовали до самой войны, и после ее начала, когда война уже шла не между странами, а между человечеством и биотехами.

– Ну, да... – я вяло пожал плечами, пытаясь спровоцировать Вершинского на большую откровенность. – Там могло остаться что-то полезное.

– Да, могло. – Тот не поддался на провокацию, и уставился в монитор планшета.

Мы с Ксюшей переглянулись. Похоже, думали мы об одном и том же. Не знаю как ее, а меня любопытство едва ни распирало. Что же в этих арсеналах могло быть такого уникального?

В любом случае было ясно, что Вершинский основывается не на слухах и предположениях, а на некой документации, попавшей в его руки. Его неуверенность наверняка была обусловлена не сомнением в достоверности почерпнутой информации, а в ее текущей актуальности. Говоря проще, Вершинский боялся, что кто-то раньше него уже умыкнул нечто, что нужно было ему самому. Но тогда возникал еще более любопытный вопрос – кому, кроме охотников, могла зандобиться штукавина, способная изменить ход войны с биотехами? И если кто-то такой существует, то за каким ему эта штука, если он не охотник?

Предположить можно было много чего, но самым достоверным мне показалось предположение, что у этой штуки могло быть не одно, а несколько назначений. С биотехами связано одно, а другое, возможно, нужно кому-то, кроме охотников.

Кроме того, мое любопытство разжигало понимание, что Вершинский зря не станет суесться и сомневаться в успехе своего предприятия. Если он подозревает, что кто-то мог его опередить, то он подозревает, и кто это мог быть. Враг? Конкурент? Но кто может составить конкуренцию отряду охотников? Да даже одному Вершинскому, если уж всерьез рассуждать.

В легендах, да и в официальных историях о создании отряда охотников, значимую роль играл Альбинос, с которым у Вершинского всегда были сложные отношения, к сохранению паритета в которых приходилось постоянно прикладывать усилия. История умалчивала имя этого таинственного персонажа, сохранив лишь прозвище, под которым он был известен Вершинскому. Это была единственная фигура, способная сравниться с Вершинским по ряду признаков, и способная составить ему конкуренцию хоть в чем-то. Но Альбинос, насколько я понимал, был старше Вершинского, и, скорее всего, уже умер от старости. А если и не умер, то представлял собой стрика, еще более дряхлого, чем Вершинский.

Поразмыслив таким образом, я понял, что мои предположения лишены всякого смысла. У меня попросту было мало данных для выводов. И если я хотел удовлетворить свое любопытство, мне следовало расслабиться, и позволить реке времени донести меня до нужных событий естественным путем.

Дрон, между тем, двигался вперед. Пролетев высоко над нашим карьером, он достиг русла Черной и оказавшись вне досягаемости для выстрелов вооруженных винтовками часовых, начал снижаться, согласно введенной в него программе. Глядя на монитор, мы разглядели

огромные глыбы скальной породы с куда большей подробностью, чем это можно было сделать посредством бинокля. Впрочем, разглядывать особо было нечего – глыбы как глыбы. Но через несколько секунд в кадре мелькнула колючая проволока, и Вершинский дал команду дрону зависнуть.

Проволока тянулась вдоль склона, и достаточно хорошо сохранилась, хотя в некоторых местах обрывалась, разрушенная солеными ветрами с моря. За ней склон Горы Циклопов выравнивался в плато а еще через сотню метров отвесно обрывался в нечто похожее на наш карьер.

Большая часть его дна представляла собой ровную поверхность, покрытую настолько толстым слоем стеклона, что он не растрескался, и сквозь него не проросла трава и деревья. Пространство было разбито на десяток площадок, похожих на парковочные, и выполнявших ту же функцию. На них ровными рядами стояли машины. Военные. Среди них можно было различить большие фургоны, грузовики, и приземистые броневики, чем-то похожие на бурых жаб.

– Кажется, гравилеты! – произнесла Ксюша, показав в угол экрана.

Возможно, она была права, хотя машины, напоминавшие устаревшие летательные аппараты времен начала войны, были покрыты синтетическими чехлами.

– А вот и штольни! – Вершинский расплылся в довольной улыбке.

Он опустил дрон пониже, и мы разглядели несколько стальных ворот арочной формы, имевших в высоту не меньше пяти метров.

– Странно, что твари не уничтожили ничего, – удивился я.

– Ничего странного, – ответил Вершинский. – Место такое. Напрямую с моря не забраться, мешают глыбы. А в обход очень далеко. У любого земноводного жабы высохнут.

– Как же мы сами туда попадем? – встревожилась Ксюша.

– В обход, конечно, – Вершинский дал дрону команду на возвращение. – Но у нас жабы не пересохнут, и время есть. Главное, что база в том состоянии, в котором я ожидал ее увидеть. Ее не эвакуировали. Не успели. Представляете, сколько всего там?

– Одни гравилеты чего стоят! – подтвердила Ксюша. – На них же можно улететь на большую землю, сообщить там про Дохтера...

– Это да, – ответил Вершинский.

На мой взгляд, как-то вяло, и у меня возникло подозрение, что даже такая ценность, как летающие машины, не была для Вершинского приоритетом. Что-то он собирался отыскать в самих штольнях.

– Может, и батиплан не понадобится доставать со дна, – добавил он. – Это рискованная затея, а при наличии гравилетов довольно бессмысленная. Для начала, думаю, один гравилет надо запрограммировать и отправить к нашим, на автопилоте. Место для взлета не лучшее, может пальнуть донная платформа, где-то она тут прячется, в районе Одессы, но шансы есть. Возможно, мы найдем чем прикрыть гравилет. А дальше будет легче. Прибудут охотники, и мы тут устроим раскудрявую канитель.

Он улыбнулся.

В принципе, перспективы вырисовывались довольно радужные. При наличии такого количества гравилетов можно было отправить шесть штук на убой, а потом, когда платформа изведет все ракеты в пусковых шахтах, спокойно взлететь самим. На выращивание новых ракет платформе понадобится не меньше двух недель, в зависимости от калибра, может и больше месяца. Но если по первому взлетевшему гравилету она стрелять не станет, значит, у нее в программе зашито ограничение по числу целей. В общем, с этим не трудно разобраться, даже если бы Вершинского не было.

– А это не муляжи? – вдруг спросила Ксюша. – Ну, для обмана противника. Чего их бросили? Могли же на них улететь!

Мы с Вершинским переглянулись. Тот хмыкнул, и, взяв разведывательную машинку на ручное управление, заставил ее вернуться, выключить импеллер, и двигаться на самой малой высоте по воле ветра, как аэростат.

– Не похоже на муляжи, – произнес Вершинский, глядя в монитор. – Но они под чехлами. Полной уверенности быть не может. Придется рисковать.

Он вернул дрон под управление автопилота и дал ему команду на возвращение. У меня же мысль, высказанная Ксюшей, засела в голове, и начала разрастаться во все большую неуверенность. Ведь взрослые тут все обшарили. Наверняка нашли эти склады. Ну, Гора Циклопов – место приметное, и уж точно разведчики отправились посмотреть, что там. Нашли колючую проволоку, поняли, что место обжитое, секретное, добрались до гребня, глянули вниз...

И тут возникает вопрос, почему мы все не улетели отсюда? Ведь гравилет, это не древний вертолет, которым надо уметь виртуозно управлять. Гравилет сам в небе держится, только задавай ему направление турбинами. С этим и ребенок справится. Но что-то ведь помешало взрослым это сделать, хотя все бы хотели отсюда убраться.

Когда дрон вернулся, влетев точнехонько в окно, я поинтересовался о дальнейших планах Вершинского. Вместо внятного ответа он велел отдыхать до особых распоряжений. Обижаться было глупо, и мы с Ксюшей покинули квартиру, чтобы обследовать весь этаж. Обследовать, конечно, было нечего, но нам обоим хотелось поговорить наедине, без чужих ушей. Наверху мы не нашли ничего интересного, стальной чердачный люк оказался заперт на поржавевший висячий замок, и мы спустились на несколько этажей вниз. Только там, этажей на пять ниже, начало пахнуть жизнью, голубиным пометом, кошачьей мочой. Скорее всего, представители руинной фауны не трудились забираться высоко вверх, даже те, которым природа подарила крылья.

– Наверняка, тут и крысы есть, – поморщилась Ксюша.

– Пожалуй.

Я вкратце рассказал о посетивших меня мыслях, и Ксюша поспешила заметить, что у нее они тоже возникли.

– Самое простое предположение обычно бывает самым верным, – прикинула она. – А самое простое, что взрослые не добрались до гребня и не видели склады. Все же карабкаться по глыбам Горы Циклопов – задачка та еще.

– Ну, да. – Я кивнул скорее из уважения к версии. – Но ведь экспедиции отходили и дальше, до самого города. И туда тоже путь не простой.

– В городе точно можно было найти что-то полезное. Это очевидно. А есть ли смысл карабкаться на неприступные скалы – большой вопрос. У взрослых же не было такого дрона, как у Вершинского.

В таком виде ее версия показалась мне более достоверной. Но если ее принять, можно было расслабиться, а расслабляться мне пока казалось недопустимой роскошью.

– Или туда не просто попасть, – предложил я другой вариант. – Или там кишат твари, которых мы с воздуха не заметили. Или ловушки расставлены. Или взрослые туда попали, и поняли, что это не гравилеты и машины, а муляжи для противника.

– Про муляжи я первая сказала.

– Да. Но что если ты права? Там, под тентами, действительно ни фиги не разглядеть толком.

– Мне кажется, мы с тобой оба из мухи слона делаем. Там могло вообще не оказаться гравилетов. И все равно бы мы пошли за Вершинским. Разве нет?

Я задумался. Она по всем пунктам была права. Не важно что конкретно там можно было найти. Важно, что мы шли туда вместе с Вершинским.

Мы вернулись наверх и застали Вершинского за изучением бумажной карты. Мне казалось странным, что он ей пользуется, а не выводит изображение местности на экран боевого

планшета. Но потом понял – он осматривал сразу большую площадь. На планшете это не очень удобно, а так сразу виден весь большой лист.

– Тут есть старая дорога, – заметив нас, произнес Вершинский. – Она идет петлей, изгибается на сто восемьдесят градусов. Склон крутой, и хотя он близко к морю, тварям нелегко будет вскарабкаться наверх.

– Не важно, как далеко море, – уточнил я. – Твари вылезают не из бухты. В бухте сейчас вода пресная, им тут не выжить. Земноводные выбираются из воды раньше, там где вода солонее, и прут по берегу на те расстояния, куда им позволяют удалиться постепенно пересыхающие жабры. Чем дальше мы удалимся по берегу в сторону открытого моря, где вода солонее, тем будет опаснее. А на восток, соответственно, безопаснее.

– Еще канализацию надо учитывать, – напомнила Ксбша. – Раз в ней живут биотехи, значит в нее вода попадает соленая, не от русла реки.

Вершинский глянул на нее, задумался.

– Да, это важно, – произнес он. – Соленая вода в систему канализаций может попадать только через штольни, ведущие от города, где нет реки. А это значит, что канализационная система Инкермана, где мы сейчас, и Севастополя, растянувшегося вдоль всей бухты, представляет собой единую систему подземных сооружений. Здесь очистных сооружений не видно, у них характерная и узнаваемая архитектура, значит канализация тут не может впадать в море. Она в него впадает дальше, за пределами безопасной опресненной зоны.

– Тогда нападения из-под земли можно всюду ожидать. – Я поежился.

– Да, – заявил Вершинский, сверившись с картой. – Надо держаться подальше от городов, и восточное направление для этого подошло бы отлично, но им очень уж далеко обходить. Впрочем, смотрите, нужна нам дорога сразу за рекой, и если преодолеть эту водную преграду, не придется удаляться на запад, к разветвленным городским подземным системам. Река тут широкая?

– В любом случае мелкая, – ответила Ксюша. – Воробью по колено. Если надо, вброд перейдем. Главное, чтобы тварей не было.

– Тогда ждать нечего! – Вершинский решительно встал в полный рост. – Надо доесть остатки еды, и двигать в путь. К вечеру будем на складе, по моим подсчетам, если не случится чего-то экстраординарного.

Мне и думать не хотелось о том, что экстраординарным мог посчитать Вершинский.

Мы доели остатки рыбы, и осторожно двинулись в низ. Вершинский собрал установленные им ловушки, закинул их обратно в багажный отсек боевого каркаса. Я убедил Вершинского, что мне следует идти первым, и Ксюша меня поддержала. Она подтвердила, что моему носу нет равных, и что я смогу загоя учуять тварь, если она где-то прячется.

Мы осторожно двинулись вдоль развалин по улице. За мной и чуть слева следовал Вершинский, а Ксюша замыкала группу, стараясь ступать бесшумно, и прислушиваясь к окружающим звукам. У нее слух был не хуже, чем у меня нюх.

Над бухтой кружили чайки, голуби перелетали с одной из разрушенных высоток на другую, но мы это уже научились мысленно вносить в список помех и не реагировать на цели в воздухе. Никогда никто не видел летающих биотехов, значит, их, скорее всего, не существовало. И это не могло не радовать – хоть одна из стихий была свободна от них.

Иногда мы видели кошек, стремительными тенями ныряющих в зияющие окна цокольных этажей. На такие объекты,двигающиеся по земле, наши органы чувств реагировали острее. Тут могли притаиться змеевики, но они были медлительнее кошек, и больше стелились вдоль грунта. По змеевикам у нас специалистом была Ксюша, поэтому мы с Вершинским, ближе к окраине, разошлись в стороны, чтобы не мешать ей стрелять.

Наконец наш отряд выбрался из теней, которые отбрасывали скелеты домов. Солнце, зависшее над Горой Циклопов, ударило нам в глаза. Ночью жабры у биотехов пересыхают

намного медленнее, чем днем, и жара еще не наступила, так что шансов нарваться на каких-нибудь выползней было у нас не мало.

Я предложил не сворачивать с дороги, во-первых, чтобы держаться подальше от карьера, где можно было без труда нарваться на часовых Дохтера, а во-вторых, раз уж мы собирались перебираться через реку, то ближе к бухте когда-то был мост. Он, конечно рухнул от взрывов, но по упавшим плитам было проще перебраться на другой берег, чем просто по скользкому дну.

Вдруг ветер донес до меня тревожный запах. Такую вонь, весьма характерную, издавала только слизь змеевиков. Я прочертил пальцем змейку по воздуху, подавая Ксюше условленный знак. Она вся превратилась в слух и напряглась, как кошка. Вершинский сбавил шаг.

«Змеевик», – показал я ему побуквенными жестами языка охотников.

Ксюша вскинула винтовку к плечу.

Утренний бриз поддувал с моря, это означало, что змеевик ближе к воде, чем мы. Заряд у него не очень большой, но если близко рванет, да еще чуть зарывшись в каменистый грунт, как они часто делают, мало не покажется.

Вершинский жестами показал, чтобы мы круче сворачивали на юг.

«Обойдемся без моста», – показал он.

В этом был резон. Мы резко изменили направление, но запах, который должен бы сделаться слабее, только усилился. У меня чаще забилося сердце.

– Змеевик не один! – произнес я вслух, понимая, что маскировка в акустическом спектре уже не имеет смысла. – Южнее еще один или два.

– Давно такого не было, – насторожилась Ксюша.

– Чего не было? – уточнил Вершинский.

Ксюша объяснила ему, что иногда такое бывает, что змеевики прут десятками, иногда сотнями. Но чаще это бывало в дождливые дни и никогда не случалось летом.

– Они нас от реки отсекли, похоже, – прикинул я. – Непонятно, чего они всполошились.

Вершинский молча скинул боевой каркас на землю, и выхватил из багажного отделения боевой планшет.

– Они ориентируются при помощи ультразвука, – пояснил он. – Сейчас полную карту составим, сколько их, и где находятся.

Мы с Ксюшей приблизились и тоже глянули на экран. Там неспешно прорисовывалась карта, на которой пульсирующими изумрудными точками обозначились несколько десятков целей. Причем двигались они в основном по руслу реки, в сторону карьера. Но с ними и так все было понятно. Мое внимание привлек большой пульсирующий кружок изумрудного цвета на границе экрана, там, где располагался наш поселок.

– Ультразвуковой генератор, – объяснил Вершинский. – Мощный. Или сонар от чего-то, или, возможно, посадочный ультразвуковой высотомер от баллистического лайнера. Ваш Дохтер, похоже, решил нас приговорить таким образом.

– Ни фига себе... – выдохнула Ксюша. – Он что, нарочно выманивает змеевиков?

– Судя по количеству, со вчерашнего вечера, – прикинул я. – Не пройти нам теперь через реку. Да вообще, надо драпать на север.

– Драпать нам нельзя, – уверенно заявил Вершинский. – Нам надо в арсенал.

– Не получится, – поддержала меня Ксюша.

– Что-то вы рано сдрейфили, салаги, – усмехнулся Вершинский. – Тут тридцать змеевиков. Медлительных, ползающих не в своей среде. А вы в своей среде, на суше.

– И что? – Я уставился на него, не понимая, к чему он клонит.

– А то, что мне в одиночку приходилось сражаться с сотней торпед, которые куда быстрее змеевиков, и находятся в своей среде. А я находился в чужой, в океанской глубине. Если вы тут сдрейфили, как вы можете думать об охоте в океане?

У меня руки похолодели, но ясно было, что он прав. Что мы совсем, ни в каком виде, не готовы к настоящей охоте. Да, мы убивали тварей, и даже тяжелых патрульников. Убивали их по необходимости, и всегда отступали, если не были уверены в своей позиции. Перед нами никогда не стояло цели непременно куда-то пройти, непременно выполнить какую-то поставленную задачу. А у охотников, у настоящих охотников, такая задача была всегда. И это всегда была боевая задача, а не банальная необходимость сходить к бухте за рыбой.

– Умеете обращаться с ручными «глубинками»? – спросил Вершинский.

Мы с Ксюшей покачали головами. Мы их у Вершинского увидели в первый раз вживую, до этого только в кино. Какое уж там «обращаться»...

– Ладно. – Он достал одну из глубинных бомбочек, размером чуть больше теннисного мяча, и показал поворотное кольцо с делениями. – Повернуть до отказа против часовой. Это означает взрыв с замедлением на нулевой глубине, то есть, в воздухе. Замедление десять секунд. Кинули, дождались взрыва, только потом можно двигаться вперед.

– А кидать куда? – всполошился я.

– Тебе никуда не придется кидать, у тебя ракетное ружье, – пояснил Вершинский. – Будешь из него пробивать нам путь, с большой дистанции. А бомбочки нужны, чтобы не дать змеевикам зажать нас с флангов. Понятно? Кидать буду я и Ксюша. А ты будешь стрелять вперед по моей команде. Что такое полярные координаты, знаешь?

– Нет, – ответил я, чувствуя, что голос мой сделался хриплым.

И было с чего. На меня неожиданно нежданно свалилась настоящая боевая задача, с полярными координатами, целями, флангами, тактикой, приказами и всем прочим, из чего каждый день состоит жизнь настоящих охотников.

– Шкалу компаса представь, – начал объяснять Вершинский. – Под девяносто градусов север, юг. Восток, запад. И еще деление на сорок пять градусов, юго-восток, юго-запад...

– Это понятно! – Я поспешно кивнул.

– Вторая команда – дистанция в метрах, – продолжил Вершинский. – Третья команда, последняя, «Огонь». Ясно.

– Да.

– Тогда не дрейфить, и начинаем, – он выдал Ксюше пять бомбочек.

Она рассовала их по карманам куртки.

– Юг, пятьдесят, огонь! – отдал команду Вершинский.

Я шарахнул из ружья, и когда впереди полыхнуло вспышкой. Тут же рванул вперед. Но Вершинский удержал меня за ворот неожиданно крепкой, совсем не стариковской, хваткой.

Тут же воздух содрогнулся еще несколькими взрывами – это подорвались раненные змеевики, а затем вторая волна – это детонировали сородичи, находившиеся слишком близко к подранкам. В результате одним выстрелом мы расчистили приличный сектор. Вершинский тут же метнул бомбочку, метров на двадцать, и жестом показал: «Ложись!»

Мы вжались в грунт, впереди загрохотало, заухало взрывами, да так, что я ощущал, как земля под нами дрожит.

– Вот теперь вперед! – рявкнул Вершинский. – И впредь без команды ни шагу!

Мы помчались к реке, огибая свежие дымящиеся воронки. Сверху на нас еще сыпались листья и комья травы. В воздухе висел мерзкий запах паленого нитрожира и плоти.

– Юго-запад, тридцать, огонь!

Я замешкался, забыл перезарядить ружье. Вершинский таким выразительным взглядом на меня посмотрел, что я чуть в штаны не наделал, честное слово. Если бы он еще и рявкнул впридачу, я бы точно обделался, кроме шуток. Но он воздержался. Наконец я загнал ракету в казенник, и выстрелил в указанную точку. Пройдя через кроны прибрежных ив, ракета рванула в русле реки. И вот тут началось, так началось. Там змеевики двигались более плотной массой, а потому мое попадание вызвало несколько волн детонаций, да таких сильных, что

в нашу сторону полетели крупные фрагменты деревьев, очерчивая траектории дымными следами. Но команды «ложись» не было, так что я переборол в себе страх, и не сбавил ходу.

Я заметил активное шевеление травы с флангов. Похоже, змеевики, поняв нашу тактику, сообразили, что мы пробиваемся напролом. Пытаться перекрыть нам путь – себе дороже, поэтому они, наоборот, теперь расступались и пытались рассредоточиться, чтобы не нести столь колоссальные и бессмысленные потери.

Те, что ближе, начали закапываться в грунт, и взрываться уже осознанно. Засвистели камни, разрывая воздух подобно осколкам.

– Ложись! – приказал Вершинский.

Но было поздно. Один из камней задел мне правое бедро. И не так, чтобы вскользь, а как следует лупанул в мышцу. Хорошо, что не в голову. Но боль все равно была лютой, настолько сильной, что я не удержался и взвыл, выронив ружье. Ногу словно парализовало. Ксюша бросилась ко мне, но ее сбило с ног новым взрывом.

– Когда я приказываю ложиться, надо ложиться! – рявкнул на нее Вершинский.

Мне захотелось ему врезать, но боль в ноге отвлекла от этих мыслей.

– Из винтовки прицельный огонь! – приказал Вершинский.

Ксюша встала на одно колено, выхватила левой рукой из кармана горсть патронов и уложила винтовку цевьем на сгиб левого локтя. Винтовка у нее была однозарядной, но Ксюша давно научилась использовать ладонь левой руки, как магазин, ловко закидывая в пространство между затвором и казенником очередной патрон из горсти. Она выталкивала его из общей кучи щелчком большого пальца, и он всегда попадал пулей вперед под готовый закрыться затвор сразу после экстракции гильзы от предыдущего выстрела. При этом стрелять у нее получалось быстрее, чем у любого из мальчишек, вооруженного самозарядной магазинной винтовкой. Она принялась прицельно бить змеевиков с такой скоростью, что выстрел происходил раньше, чем гильза от предыдущего успевала упасть в растущую вдоль реки осоку.

Вершинский выпустил два гарпуна по левому флангу. Те рванули так, что вызвали новую волну вторичных детонаций. Нас так закидало травой и землей, что мы стали похожи на болотные кочки.

– Вперед! – приказал Вершинский, не удосужившись узнать, могу ли я вообще подняться на ноги.

Ксюша помогла мне подняться, и я запрыгал на одной ноге, лишь иногда опираясь на подбитую. Перелома не было, но мышцу мне отсушило как следует.

Чем больше я опирался на ногу, тем большее ее отпускало. Боль осталась дикая, но хоть двигаться можно было. Мы миновали реку вброд, воды было до середины голени, так что это не составило труда. Река заметно обмелела со вчерашнего дня, и это не предвещало ничего доброго. Чем меньше воды в реке, тем выше соленость в бухте, и тем меньше безопасная зона.

– Вот же тварь, Дохтер! – не удержался я от эпитета. – Точно у него рыльце в пуху.

Ксюша промолчала с хмурым видом. У меня это снова вызвало беспокойство.

– Использовать ультразвук для приманивания тварей, это, конечно, хитро, – продолжал ворчать я. – Особенно когда поселок в неприступном карьере. Гад.

– Попытка использовать биотехов в собственных интересах никого еще не доводила до добра, – неожиданно для меня ответил Вершинский. – Я видел тому примеры. Добро не получится делать из зла, как бы ни хотелось верить в такую возможность. А вот наоборот получается.

Я заподозрил, что речь идет об Альбиносе. Но обстановка не способствовала любопытству.

В предельном темпе мы удалились от реки на юг, пересекли старое железнодорожное полотно, и сбавили ход только добравшись до склонового шоссе, тянувшегося вдоль Горы Циклопов.

Между шоссе и первыми глыбами Горы Циклопов лежали развалины небольших одноэтажных домов, густо поросшие ежевикой и кустами шиповника. Лезть в эту чащу не было никакого желания.

– Ты классно стреляешь, – похвалил Ксюшу Вершинский. – Быстро и точно, да еще из однозарядной винтовки. Не видел таких стрелков даже среди матерых охотников.

– Им такой навык без надобности, – скромно ответила Ксюша.

– Да как сказать. – Вершинский усмехнулся.

Плотные заросли колючих кустов тянулись вглубь метров на пятьдесят, а то и на семьдесят, а за ними уже вздымался крутой склон, состоящий из каменных глыб, каждая от двух до пяти метров в диаметре. Если бы не размер камней, все это было бы похоже на груды темного гранитного щебня. Но я знал, что это не гранит, а тот же известняк, что и в карьере, просто потемневший от времени. Как далеко заросли простираются в обе стороны, было не разглядеть.

– Нда.. – протянула Ксюша. – Кажется, я знаю, почему наши взрослые не добрались до арсенала.

– В здравом уме не полезешь, – подтвердил я, подтянув подбитую ногу. – Особенно, если не знаешь, есть там что-нибудь, или нет. У взрослых не было дрона.

– Но мы знаем, что там, – ответил Вершинский. – И понимаем, что любые усилия оправдаются.

– Если вообще проход туда есть, – пробормотала Ксюша.

Ей, похоже, тоже досталось при взрывах. Но я не мог понять, куда ее ударило. Просто было видно, что ей больно, и она не в духе. К счастью, крови нигде заметно не было, скорее всего, прилетело камнем, как и мне.

– Здесь без мачете, напалма и альпинистского снаряжения точно не пройти, – согласился Вершинский. – Придется двигаться по дороге на запад. Есть место, где она делает поворот на сто восемьдесят градусов, и уходит наверх. Попробуем этот путь.

– Опасно, – заявила Ксюша. – Дохтер приманивает тварей ультразвуком, они прут с запада, и вы предлагаете двигаться им навстречу? А еще канализация, не забываете. Мы так далеко на запад никогда еще не уходили.

– У меня ракет осталось мало, – сообщил я.

Вершинский тоже порядком извел свой запас гарпунов. Мы не были готовы к полноценному бою, в этом не оставалось сомнений. С другой стороны, отступать нам тоже было некуда, и пополнить боеприпасы нигде. В поселок мы вернуться не могли, а где-то в другом месте мы тоже без припасов не протянули бы. Не крыс же ловить и есть, в самом деле.

Ксюша попросила ее подождать, и направилась к зарослям. Мы с Вершинским синхронно отвернулись, чтобы избавить ее от необходимости глубоко забираться в колючий кустарник.

Прошло минут десять, потом еще половина от этого. Мы с Вершинским обеспокоенное переглянулись.

– Знаешь... – сказал он негромко. – Могу об заклад биться, что она твоя будущая невеста. Так что давай, глянь, что там. Если ты ее увидишь без штанов, тебе это с рук сойдет, а я не готов погибать от пули в лоб.

– Как-то неудобно...

– Неудобно гарпун в кармане носить и боком на батиплане плавать.

Я хмыкнул и обернулся к зарослям. Ксюши видно нигде не было. Я присел, осторожно придерживая подбитую ногу и осмотрел пыль на обочине. Следы рубчатых подошв вели в восточном направлении. Я двинулся по ним, окликнув Вершинского.

– Что за дьявол? – спросил он.

– Я не знаю. Следы теряются за изгибом дороги.

До изгиба, ограничивающего видимость, было метров пятьдесят. За ним я увидел огромный камень, метров семь в диаметре, откатившийся дальше других от склона Горы Циклопов,

и лежащий у самой обочины. За ним лежало еще несколько, поменьше. Вокруг них густо росла ежевика, через которую нечего было и думать пробраться без проведения взрывных работ. Я обошел камень, но следы однозначно заканчивались возле него. В принципе, скала была очень угловатой, и забраться на не составляло труда. Я заметил следы пыли на нескольких выступках, видимо, Ксюша тут и влезла наверх. Позади слышались приближающиеся шаги Вершинского.

Я последовал примеру Ксюши и забрался на скалу. С нее открывался хороший вид во все стороны.

– Что там? – спросил Вершинский.

Со скалы можно было перепрыгнуть на следующий камень, чуть ниже этого, и расположенный ближе по склону. Но не успел я примериться чтобы прыгнуть, как впереди шархнуло мощным взрывом. В воздух взлетели фрагменты колючих кустов.

– Глубинная бомбочка, – крикнул мне снизу Вершинский.

Я набрался решимости. Чтобы прыгнуть, но тут, прямо на склоне Горы Циклопов, появилась Ксюша и помахала нам рукой.

– Я проход сделала! – крикнула она. – Давайте сюда! С камня на камень!

– Вот же, дьявол! – выругался Вершинский. – Я не вскарабкаюсь!

– Давайте сюда каркас, и я вам помогу, – сказал я. – Дальше легче.

Но даже когда я разгрузил Вершинского, забрав у него боевой каркас и карабин, подъем дался ему с не малым трудом. И дело было не в том, что Вершинский старый, а в том, что он был значительно больше нас с Ксюшей, и его ноги едва умещались на скальных выступках.

Перепрыгнуть с камня на камень мне не составило труда, а вот Вершинского мне пришлось хватать за руку, чтобы удержать от падения после прыжка. Но дальше пошло легче. Следующий камень стоял ближе, мы спрыгнули на него, а дальше пришлось слезать. Несколько минут назад нам бы пришлось слезать в заросли ежевики, но Ксюша, умница, расчистила путь глубинной бомбочкой, создав проплешину шириной метра в три. По ее краям еще дымились изогнутые колючие ветви.

– Добро пожаловать! – встретила нас Ксюша, и подала Вершинскому руку, чтобы тот вскарабкался.

– Зря шум подняла, – пробурчал тот. – Дальше-то что? По этим глыбам без снаряжения все равно не вскарабкаться. Бомбу зря истратила.

– Ничего не зря, – спокойно ответила Ксюша. – У меня есть идея, но к ней нужен источник света.

– Фонарь имеется. – Вершинский забрал у меня свой каркас и достал из багажного отсека химический фонарь. – Но дальше-то что? Поясните, сударыня, будьте любезны.

– Что будет, если муравья пустить в кучу щебня? – Ксюша решила задать наводящий вопрос вместо предметного объяснения. – Он пролезет меду камнями, как по ходам. Глыбы не прижаты одна к другой вплотную. Между ними можно пролезть, а не карабкаться.

– Это ничего не даст, – покачал головой Вершинский. – Нам же нужно наверх, на гребень, чтобы...

– Чтобы потом спуститься с него к штольням? – с усмешкой спросила Ксюша. – С дрона было видно, что штольни в арсеналах идут с юга на север. То есть в нашу сторону. И примерно на нашем же уровне, понимаете?

– Нет.

– Ну, как нет? – удивилась Ксюша. – Вы же сами рассказывали, что тут был военный завод, который взорвали. Он же тоже располагался в штольнях. Я подумала, что штольни арсенала, это уцелевшие части тех же штолен, в каких располагался военный завод. Когда их взорвали, северная часть штолен взлетела на воздух, и осыпалась этими глыбами. А южная уцелела, мы это видели с дрона. И выходит, нам не надо карабкаться вверх, чтобы потом снова спускаться вниз.

– Вот, чертовка! – рассмеялся Вершинский. – Может быть, может быть. Если только штольни арсеналов не запломбированы строительным композитом. А то бы любой дурак мог бы туда попасть. Не думала об этом?

Ксюша надула губы и не ответила.

– Но я бы проверил, – успокоил ее Вершинский. – Чтобы запломбировать штольни такого размера, нужна уйма композита. Куда проще поставить решетки или стальные щиты.

– Чем одно лучше другого? – не понял я.

– Второе легче взорвать. – Вершинский похлопал меня по плечу. – Главное не застрять между этими глыбами.

Мы спустились со скалы и осмотрелись. Ксюша была права щели между глыбами были достаточного размера. Чтобы попытаться по ним пролезть. Мы выбрали самый широкий проем, Вершинский достал фонарик, отдал его Ксюше, и велел ей лезть первой.

– Почему она? – спросил я.

– Она самая маленькая, – объяснил Вершинский. – Если застрянем, ей проще будет развернуться и поменять направление.

Я не понял, какая разница маленькому лезть вперед, или крупному, но спорить не стал.

Ксюша, взяв фонарь в зубы, забралась в проем между глыбами, я двинулся за ней, а Вершинскому пришлось, в отличие от нас, пригнуться. Но и мы недолго наслаждались комфортом. Лазы между глыбами имели очень разный размер, кое где приходилось пробираться на четвереньках, и мы боялись, что Вершинский не сможет за нами пролезть. Он снял боевой каркас, приторочил к нему карабин, и волочил это все за собой.

Дышать было не очень приятно – от каждого движения в воздух поднималась едкая известковая пыль. Видно тоже было плохо. Точнее, Ксюше, наверное, видно было хорошо, мне хуже, а Вершинский, пробирался уже в полной темноте. Иногда, правда, сверху пробивался дневной свет через щели между глыбами. Но чем дальше мы продвигались, тем глубже в недрах горы пролегал наш путь, и тем реже наверху мелькал солнечный луч.

Постепенно глыбы становились все меньше. Я сообразил, что дело не в том, как мы продвинулись на юг, а в том, насколько глубоко мы находимся. Когда произошел подрыв завода, куски породы неравномерно перемешались, мелкие просыпались вниз, крупные остались наверху. Это для нас имело неприятные последствия. Во-первых, вместе с размером камней менялись и размеры проходов – они становились все уже. Во-вторых, мелкие валуны хуже друг за друга держались, и порой мы ощущали, как в камнях происходит неприятное шевеление, если мы цепляли одну из глыб.

– Старайтесь не шевелить камни, – пробурчал сзади Вершинский.

– Как их не шевелить, если мы по ним ползем? – огрызнулась Ксюша.

Она была права. Если поначалу мы двигались по грунту, потом по скалам, то теперь перебирались с одного валуна на другой, а остальные нависали над нами, не добавляя уверенности в завтрашнем дне.

– Девочка, ты сама это затеяла, не забыла? – спросил Вершинский.

В отличие от меня он не собирался церемониться с Ксюшей. К моему удивлению это вызвало во мне не раздражение, а наоборот, уважение, так как сам я себе этого позволить не мог, хотя иногда и надо бы.

Ксюша не ответила, лишь громче запыхтела впереди.

Сверху раздался неприятный гул. Видимо, мы все же расшевелили неустойчивую конструкцию. Вершинский закопошился сзади, доставая что-то то ли из кармана форменных штанов, то ли из боевого каркаса.

– Все под большой камень! – приказал он.

– Придавит же! – попробовал возразить я.

– Живо!

Вершинский, для доходчивости, подтолкнул меня кулаком. Я прополз на карачках, и прижался к единственной огромной глыбе, которую можно было заметить в свете фонарика. Ксюша устроилась рядом, поджав ноги и перехватив фонарик рукой, чтобы не держать его зубами. Вершинский передал мне боевой каркас с карабином, и я заметил в его руке то, что меньше всего ожидал увидеть – серую алюминиевую расческу с обгрызенным уголком. К еще большему моему удивлению, Вершинский внимательно осмотрел глыбу, и вставил расческу стоймя, как подпорку, между укрывшей нас скалой и валуном поменьше.

– Вы думаете, эта расческа выдержит, если скала нас придавит? – поразился я.

– Уши закройте, рты откройте, – приказал Вершинский. – Буду взрывать.

– Вы с ума сошли? – выкрикнула Ксюша.

Но он, не обращая на наши возмущения никакого внимания, швырнул глубинную бомбочку вперед, в одну из зияющих щелей между глыбами. В замкнутом пространстве ухнуло так, что я думал, у меня кишки наружу вылезут через все имеющиеся физиологические отверстия тела. В голове помутнело, но даже через свист в ушах я услышал, как вся каменная конструкция загремела, проседая, переваливаясь и перемешиваясь. В конце концов, эта волна дошла и до нас. Глыба, под которой мы пряталась, сдвинулась под натиском проседающей породы, завалилась на бок и...

В общем, она уперлась в выставленную Вершинским подпорку. Подпорку из алюминиевой расчески. Клад, и встала. Как вкопанная. Видно было, с какой колоссальной силой давит на расческу глыба, потому что валун, в который она упиралась, начал проседать в грунт. Но расческа не изогнулась и на миллиметр.

– Что это? – ошарашено спросил я.

– Сейчас нет времени объяснять, – ответил Вершинский. – Порода перестроилась и заняла устойчивое положение. И оно будет сохраняться, пока стекающая с дождями вода не проточит новые полости. Дальше вам придется двигаться без меня.

– Что? – хором воскликнули мы с Ксюшей.

– Вперед гляньте, – посоветовал он. – Проход стал уже, я не пролезу. А сзади нормально, даже шире стало. Я выберусь там же, где мы сюда влезли. Вы поднимите один из гравилетов, и прилетите за мной.

– Я не умею управлять гравилетом! – попробовал возразить я.

– В этом нет ничего сложного. Рычаг слева от сиденья пилота управляет приводом Шерстюка. Чем больше рычаг поднять, тем больше подъемная сила антгравы. Главное не опускай его резко, а то шмякнетесь брюхом о грунт. Вообще его резко нельзя двигать. Ясно? Ни вверх, а то взлетите на пять километров, ни в низ, а то разобьетесь.

Я кивнул, чувствуя, что у меня мурашки бегают по всему телу.

– Насчет турбин я не уверен, – продолжил он. – Приводу Шерстюка не нужно топливо, а вот турбинам нужно. И если гравилет не заправлен, то турбины запустить не выйдет. Скорее всего, он не заправлен. Поэтому вам с Ксюшей нужно будет слаженно действовать вдвоем, чтобы подогнать гравилет ко мне.

– Как?

– Ты видел хронику позапрошлой войны, как перемещали дирижабли для обороны городов с воздуха?

– Да. На веревках, как воздушные шарiki.

– Верно. Гравилет, считай, тот же воздушный шарик. Когда сферы привода смещены одна относительно другой, он теряет в массе, становится легче воздуха. Так же ведет себя аэростат. Понимаешь? Нужно привязать к опоре гравилета веревку. Ее вы на складе точно найдете. Затем потребуется поднять гравилет со дна карьера. Там, в вышине, вас подхватит ветер, и отнесет чуть на восток, на гребень горы. Там одному из вас надо вылезти, и тянуть гравилет, как шарик на ниточке, перескакивая с глыбы на глыбу. С опорой на веревку это будет

не сложно. Только не держитесь за веревку а обвяжитесь ей! Ясно? Обязательно обвяжитесь, а то ее вырвет из рук. Вы меня поняли?

Я снова кивнул. Но ужас предстоящего меня в буквальном смысле переполнял и захлестывал. У меня даже пальцы похолодели от страха. Ну никак не ожидал я такого поворота событий. Точнее я не ожидал, что на меня, с самого утра и без всякой подготовки, взвалится такая колоссальная мера ответственности.

– Еще важный момент, – продолжил Вершинский. – Ни в коем случае не поднимайте гравиелет выше, чем требуется.

– Чтобы донная платформа в нас не пульнула ракетой, – добавила Ксюша.

– Верно, молодцы. Вот вам три бомбочки, если придется что-то взрывать. А теперь вперед. И не дрейфить, салаги! Живей, живей!

Меня аж трясло, но нам ничего не оставалось, как двинуться в очередную нору между глыбами. Дальше лазы стали такими узкими, что мне пришлось снять ружье и толкать его перед собой. Позади раздался глухой грохот, но у меня не было сомнений, чем он вызван. Это Вершинский выдрал из под глыбы свою удивительную расческу. Что за тайна связана с ней? Этот вопрос одолевал меня с не меньшей силой, чем страх грядущих впереди событий.

«А ведь охотники так и живут, – подумал я, стараясь взять себя в руки. – Каждый день».

От этой мысли мне стало немного легче. Но уверенность, что я решу стать охотником, когда выберемся отсюда, в значительной мере ослабла. Я не был уверен, что смогу для такой службы. А ведь всего пару дней назад все, кто ходил к морю за рыбой, считали себя героями. И мы с Ксюшей не исключение. А как мы вчера потешались над Вершинским, вертевшим в руке ус убитого нами патрульника? Нам казалось, что мы впечатлили предводителя всех охотников. Даже не смешно уже. Сегодня за малую часть дня я уже пережил больше опасностей, чем за все время жизни в Крыму без взрослых. А Вершинский даже не поморщился ни разу.

Через какое-то время мне показалось, что проходы между камнями стали пошире, и можно было двигаться, не притираясь к камням плечами. Я не сразу сообразил, что теперь камни ограничивали проходы лишь по бокам, а сверху их не было. Мы ползли уже не по норам, а петляли на четвереньках между камнями. Я придержал Ксюшу за ногу.

– Что такое? – она обернулась.

– Глянь навверх.

Она подняла лицо, затем посветила фонариком. Но луч терялся во тьме, ни от чего не отражаясь и ничего не освещая. Мы поднялись на ноги. Окружавшие нас камни доходили почти до высоты нашего роста, некоторые были ниже. Мы словно стояли посреди сада камней, разбитого исполином.

– Кажется, ты права, – произнес я. – Мы добрались до уцелевшей штольни.

– Потолка не видать. – Ксюша поёжилась. – Какие же эти штольни огромные?

– Мы еще в них не попали толком. Лишь из завала выбрались. Надо стену найти.

Мы направились влево, огибая глыбы, и метров через десять разглядели в свете фонаря укрепленную композитом стену. Свет от нее почти не отражался, потому что ее покрывала то ли копоть, то ли черный грибок. Мы осторожно двинулись вдоль нее. Камней вокруг становилось все меньше, а еще через пару минут завал кончился, и можно было пробираться вперед без всяких препятствий.

– Под ноги смотри, – предупредил я Ксюшу. – В полу могут быть открытые технологические колодцы.

Метров через сорок мы наткнулись на стоящие в несколько рядов заводские токарные станки. Они были покрыты толстым слоем почерневшей известковой пыли.

– Точно, завод! – Я приободрился. – Не ошибся Вершинский.

Мы ожидали, что наткнемся на какую-то решетку, или стальные щиты, которые придется взрывать, но вместо того наткнулись на самый обычный КПП, с остекленной будкой и шлаг-

баумом, под которым было несложно пролезть, пригнувшись. В будке мы нашли кусок газеты с следами какой-то сгнившей еды, и пластиковый стакан, черный изнутри от остатков некогда жившей в нем плесени. В комнате отдыха кушетка была застелена шерстяным одеялом, рассыпавшимся в прах от моего прикосновения.

Мы направились дальше. Через несколько метров переступили каменный порог, за которым начиналось узкоколейное полотно, обрамленное платформами из шершавого и плотного композита. Ширина штольни, по моим прикидкам, была не меньше шестидесяти метров, а высота потолка метров десять. Я перевесил ружье на плечо, а Ксюша закинула за спину свою винтовку. Тут было сухо. Очень. Не могло тут быть биотехов.

Вскоре мы добрались до первого бокового ответвления. Этот проход был вдвое меньшего размера, чем основной, и вел в гулкую темноту, отвечавшую эхом на каждый звук. Мы решили никуда не сворачивать, держаться железной дороги, так как она, безусловно, должна была привести нас к воротам.

Но сколько же всяких интересных объектов попало нам на пути! Много машин, легковых, грузовых, бронированных. Все было покрыто тем же черным налетом, что и все здесь, но чем дальше от завала, тем слой налета становился тоньше. К тому же на технике не заметно было и тени каких-то намеренных или случайных повреждений. Затем мы нашли настоящую заправочную станцию. Сначала странную, со словами «Бензин», «Керосин», «Масло» и «Дизель», потом уже нормальную, водородную. Так же мы нашли станцию для зарядки аккумуляторов, но откуда она брала энергию, я понять не смог. Иногда вдоль стен можно было разглядеть стойки с экзоскелетами, наверное погрузочными, гидравлические домкраты и подъемники, электрические краны. Мы даже нашли несколько предметов, похожих то ли на ракеты, то ли на реактивные торпеды.

В конце концов, мы уперлись в высоченные стальные ворота. Закрыты они были наглухо. Я поискал хоть что-то похожее на замок, но ничего такого не обнаружил. А вот Ксюша умница, забралась в остекленную будку, такую же, как у завала, и нашла там что-то вроде сейфа с надписью «Аварийное открывание ворот». На столе стояла электрическая лампа. Сейф был заперт.

– Взрывать? – спросила Ксюша.

– Нет. Мы же не знаем, что внутри. Можем повредить механизм, тогда не порадуемся. Надо попробовать гидравлическим домкратом сорвать дверцу.

Я мог бы один сгонять за домкратом, но Ксюша не желала оставаться одна, в темноте. Когда же мы домкрат нашли, я порадовался, что Ксюша со мной, так как был он настолько тяжелый, что мы вдвоем еле докатили его до будки и затолкали внутрь. Упереть домкрат в край дверцы сейфа и сорвать ее с петель не составило труда.

Внутри оказался рычаг гидравлического привода. Мы взяли его качать, и через пару минут сдвинули ворота примерно на полметра, впустив в штольню поток яркого дневного света. Протиснувшись наружу, мы оказались в довольно большом котловане, в том самом, который видели через камеру дрона.

Порывшись среди зачехленной техники, мы убедились, что это не муляжи. Все было настоящим, включая два десятка гравилетов. Из чехлов мы вытащили несколько нейлоновых строп и, выбрав самую длинную, получили буксировочный трос для гравилета, длиной метров десять, а то и больше. Стропой покороче я привязал опору гравилета к стальной балке, огораживающей стоянку.

– Надо сначала попробовать на привязанном, – пояснил я Ксюше. – Чтобы не взмыл. Ты пока снаружи останься.

Мы закинули все наши вещи и оружие в десантный отсек. Я забрался в кабину, и у меня глаза разбежались от количества и разнообразия приборов на панели. Я ожидал, что органы управления будут проще, как на гражданских машинах. Но рычаг, про который говорил Вершинский, к счастью, оказался на указанном месте, слева от кресла. На нем была блокирующая

кнопка, я нажал на нее и осторожно потянул рычаг вверх. Вдоль корпуса заскрежетала запывившаяся от времени металлическая тяга, поворачивающая сферы привода Шерстюка относительно друг друга. Гравилет дернулся, но от земли не оторвался.

– Работает! – сообщил я. – Но рычаг очень тугой, все застоялось. Боюсь тягу порвать. Смазать бы чем-то. Сгоняешь за маслом на заправку?

– Хорошо. Только не начуди тут без меня.

Я усмехнулся. Минут через десять Ксюша принесла металлическую кружку, полную машинного масла, а в алюминиевой плошки керосин.

– На всякий случая, – сказала она, поставив масло и керосин на площадку.

Мы нарезали ветоши из чехлов, протерли приводы, до каких дотянулись, керосином, потом смазали маслом. Я вернулся в кресло и опробовал рычаг. На это раз он подался легче, и без жуткого скрежета. Я осторожно поднимал рычаг, и всем телом ощущал, как гравилет становится легче, как выгибаются под ним опоры, выравнивается уставшая от нагрузки обшивка.

– Есть отрыв! – радостно закричала Ксюша. – Есть! Ты в воздухе!

Я зафиксировал рычаг блокирующей кнопкой, и гравилет стабилизировался на заданной высоте.

Мы привязали к опоре длинную веревку, а вторым концом я обвязал Ксюшу вокруг пояса – ей предстояло буксировать машину.

– Давай пока попробуем тут, – предложил я. – Не отвязывая от балки. Мне надо понять, насколько тянуть рычаг, чтобы тебя саму не оторвать от земли.

Все оказалось проще, чем я ожидал. Смазанная керосином тяга ходила хорошо, и я мог регулировать подъемную силу очень точно. А даже если иногда Ксюша взлетала в воздух, я чуть опускал рычаг, и плавно возвращал ее на землю.

Потренировавшись так с полчаса, мы решили отвязать гравилет от страховочной балки. Честно говоря, у меня сердце забилося чаще, мало ли что может пойти не так. Но Ксюша была спокойна, и в меня это вселяло уверенность.

Мы осторожно отбуксировали гравилет к воротам. Оттуда до гребня было в прямом смысле слова рукой подать.

– Забирайся! – велел я Ксюше.

– Зачем, я же привязана! Поднимай машину!

У меня вспотели ладони, но я не стал спорить. Хотя предчувствия у меня были недобрые. Я представил, как после взлета налетает ветер, кидает гравилет на стену, он падает, и давит собой Ксюшу снаружи.

Я вспомнил, что Вершинский велел взлетать не у стены, а подальше, чтобы ветром нас она гребень горы. Я уже понимал, что он прав, что так и надо было поступить, но заставлять Ксюшу тащить машину обратно, мне не хотелось.

Сквозняк в котловане карьера был нехороший, его крутило вихрем, и хотя скорость перемещения воздуха была едва заметной, это могло сильно повлиять на траекторию ничего не весящего гравилета.

Я собрался, откинул сомнения, и потянул рычаг на себя. Гравилет мягко оторвался от площадки, и начал уверенно набирать высоту, выбирая стропу, к которой была привязана Ксюша. Но, глянув на стену с воротами, я понял, что гравилет движется с нарастающим ускорением, и может слишком сильно рвануть Ксюшу. Рвануть, и переломать ей кости.

Я попытался снизить скорость подъема, но, из-за спешки и мыслей о Ксюше, опустил рычаг слишком глубоко, от чего меня тоже предостерегал Вершинский. Машина подо мной ухнула вниз, как оборвавшийся лифт. Я на миг зажмурился, представив, как падающий гравилет размазывает Ксюшу по бетону. Скорее рефлексивно, чем осмысленно, я рванул рычаг вверх, и меня вжало в кресло ощутимым ускорением. Для Ксюши такой рывок точно оказался бы смертельным, и мне снова пришлось утапливать рычаг вниз.

После нескольких таких метаний, мне все же удалось стабилизировать гравилет на одной высоте. Сердце у меня колотилось так, что едва не выскакивало наружу, а по спине пот тек ручьями.

– Что ты там дергаешься? – крикнула снизу Ксюша. – Все ведь было нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.